

КРАСНЫЙ ДОМ

МАРК

ХЭДДОН

ОТ АВТОРА «ЗАГАДОЧНОГО
НОЧНОГО УБИЙСТВА СОБАКИ»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Марк Хэддон
Красный дом
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44584719
Красный дом: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103683-6

Аннотация

Две семьи. Семь дней. Один дом.

Анжела и ее брат Ричард почти 20 лет избегали друг друга. Теперь, после смерти матери, они везут свои семьи на отдых в ненадолго снятый дом на границе с Уэльсом. Четверо взрослых и четверо детей. Посиделки у костра, совместные ужины, карточные игры. Но за этим мирным фасадом начинают появляться призраки прошлого. Родители, любовники, друзья, враги – все оказываются вовсе не теми, кем казались.

Марку Хэддону вновь удалось написать смешной, проницательный и полный жизни роман.

Содержание

Пятница	5
Суббота	56
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марк Хэддон Красный дом

Mark Haddon
THE RED HOUSE

© Сафронова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается Клэр с благодарностью Мэри
Гаун-Кейн*

Пятница

Градирни и поля орошения. Финсток, Чарлбери, Аскотт-андер-Уайчвуд. Поезд рассекает поля на скорости семьдесят миль в час. Две серые линии следуют изгибам реки, металл блестит на солнце. Даже сейчас в этом есть что-то от эпохи паровых машин. Хогвартс и Эдлстроп¹; ночная почта пересекает границу; с гор скачут индейцы; из товарного вагона доносится сельский блюз. Начинаешь верить в таинственные места, через которые по временной спирали можно вернуться в мир портье в униформе, двоюродных тетушек и летнего отдыха у озер.

Прислонившись к холодному стеклу, Анжела зачарованно наблюдала, как линии электропередачи то прогибались, то вновь взмывали к опорам. За окном проплывали похожие на серебристые матрасы теплицы и неразборчивые извивы граффити на кирпичных стенах.

Шесть недель назад она похоронила мать. Бородач в пиджаке с лоснящимися локтями играл на волынке «Мальчик Дэнни»². Всеобщее смятение, повязка на руке священника, женщина, бегущая между могилами за улетевшей шляпкой,

¹ Одноименное стихотворение английского поэта Эдварда Томаса о путешествии поездом в английский городок Эдлстроп. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Баллада, написанная в 1910 году английским юристом Фредериком Везерли. Ее нередко играют на похоронах.

ничейный пес... Анжеле казалось, что мать уже давным-давно покинула этот мир, еженедельно возвращаясь в тело лишь для успокоения навещавшей ее дочери. Вареная баранина, радио «Классика», бежевый пластиковый стульчак – смерть, наверное, стала для нее избавлением. Когда первая порция земли упала на гроб, у Анжелы перехватило дыхание от внезапной мысли, что мать была для нее чем-то наподобие... краеугольного камня? Дамбы?

Через неделю после похорон Доминик в кухне мыл зеленую вазу бутылочным ершиком. В окне виднелась кучка рыхлого снега у гаражной стены и трепещущая на ветру ротационная бельевая веревка. Вошла Анжела с телефоном. Вид у нее был такой, будто на столике прихожей она обнаружила не телефон, а нечто непонятное.

– Звонил Ричард.

Доминик перевернул вазу кверху дном и поставил на металлическую сушилку.

– И что он хочет?

– Приглашает провести с ним отпуск.

– Это точно твой брат, а не какой-нибудь другой Ричард? – вытирая руки полотенцем, усомнился Доминик.

– Точно.

Доминик не знал, что и сказать. Последние пятнадцать лет Анжела и Ричард виделись от силы раз в год, и встреча на похоронах прекрасно укладывалась в этот график.

– И в какое же экзотическое место он нас приглашает?

– Он снял дом на границе с Уэльсом. Недалеко от Хэй-он-Уай.

– Чудесные песчаные пляжи Херефордшира... – Доминик сложил полотенце пополам и повесил на батарею.

– Я согласилась.

– Что ж, спасибо, что посоветовалась со мной.

Помолчав, Анжела пристально посмотрела ему в глаза.

– Ричард знает, что мы не можем позволить себе отпуск. Мне это нравится не больше, чем тебе, но выбирать не приходится.

Доминик примирительно поднял руки.

– Ясно. Что ж, Херефордшир так Херефордшир.

«Британское картографическое управление, квадрат 161. Черные горы (И-Миниддоедд-Дуон)». Доминик открыл розовую обложку путеводителя и разложил гармошку карты. Он с детства обожал карты. Крестиком обозначались чудовища, края бумаги темнели и обугливались от огня спички, сообщения летели от горы к горе при помощи треугольников сломанного зеркала...

Доминик искоса глянул на Анжелу. Она больше ничем не напоминала ту девушку в синем летнем платье, с которой он когда-то познакомился в баре. Грузная и обрюзгшая, с выпирающими на ногах венами, она выглядела старухой и внушала ему отвращение. Он мечтал, чтобы она скоропостиж-

но скончалась, вернув ему свободу, которую он утратил двадцать лет назад. Через пять минут он вновь подумал об этом и вспомнил, как плохо распорядился своей свободой в первый раз. Он словно наяву услышал скрип колес каталки и увидел мягкие пакеты с физраствором. Вот что ждет его в будущем. А все эти другие жизни... Их никогда не прожить.

В окне поезда показался канал и узкая баржа. За ее штурвалом стоял какой-то придурок с трубкой и кружкой чая. Привет, приятель. Дурацкая затея – проводить выходные, стучаясь головой каждый раз при вставании. А если бы ему пришлось прожить неделю на лодке с Ричардом? Слава богу, там глухие места: если станет совсем неспособен, можно будет подняться в горы и прокричаться. Откровенно говоря, он больше волновался за Анжелу. Ох уж эти жестко запрограммированные семейные конфликты. «Не приходи домой пьяным!» и прочее в этом роде.

Волосы Ричарда – вот в чем причина. Густая черная грива – предупреждение всем бета-самцам, словно клыки моржа. Еще она похожа на некую внеземную форму жизни, которая обманом проникла в его череп и теперь использует Ричарда в качестве средства передвижения.

Дети сидели напротив них. Семнадцатилетний Алекс читал «Главные силы» Энди Макнаба, шестнадцатилетняя Дейзи – «Молитвы на каждый день». Восемилетний Бенджи скорчился на сиденье, закинув ноги на подголовник и све-

сив голову. Глаза его были закрыты. Анжела пихнула сына в плечо носком туфли.

– Что ты делаешь?

– Скачу на лошади, преследуя нацистов-зомби!

Дети казались отпрысками разных семей. Мускулистый и высокий Алекс каждые выходные выбирался на природу, катался на лодке и горном велосипеде. Бенджи был подвижным, будто ртуть – казалось, в какую емкость его ни сунь, он примет ее форму. Дейзи же... Анжела опасалась, что в прошлом году с дочерью случилось что-то ужасное, отчего она стала вести себя с вызывающим смирением и показной простотой.

Поезд нырнул в туннель, окна глухо задрожали. С темного стекла на Анжелу глянула тучная пожилая женщина. Глянула – и тут же растворилась во вспышке солнечного света и тополиной зелени. Анжела вновь очутилась в своем теле. Платье туго натянулось на животе, по шее тек пот, а в нос бил жуткий запах, присущий поездам: гарь, пыль, горячий металл, едкая туалетная вонь.

«Картер носком ботинка подцепил мужчину за плечо и перевернул лицом вверх. Не может быть! Он убил Банни О’Нила! Десять лет назад они вместе тренировались в горах Кернгорма. Почему этот бывший капитан специальной авиадесантной службы, вооруженный купленной на черном рынке советской винтовкой, пытался убить в Афганистане мил-

лиардера – директора международной строительной компании?...» – читал Алекс.

В проходе кондуктор – бритоголовый детина с голубой расплывчатой татуировкой на мясистом предплечье – навис над по-птичьей хрупкой женщиной с длинными седыми волосами и очками на красном шнурке.

– Так вы сели в поезд без билета и денег?

Анжеле тут же захотелось заплатить за женщину, чтобы спасти ее от этого агрессора.

Женщина беспомощно пошевелила в воздухе тонкими, усеянными старческими пятнами руками.

– Я не могу...

– Вас кто-нибудь встречает в Херефорде? – с неожиданной теплотой спросил кондуктор и бережно тронул ее за плечо в попытке привлечь внимание. – Сын или, может, дочь?

Женщина перебирала пальцами в воздухе.

– Я не вполне...

У Анжелы защипало глаза, и она отвернулась.

Шесть месяцев назад Ричард повторно женился, получив в довесок приемную дочь. Анжела не приехала на свадьбу: Эдинбург далеко, да и учебный год в самом разгаре. К тому же они никогда не были близки так, как подобает брату и сестре. Просто два человека раз в несколько недель обсуждали по телефону угасание матери. Анжела познакомилась с Луизой и Мелиссой только на похоронах. Они выглядели

так, будто их по заоблачной цене приобрели по эксклюзивному каталогу: безупречная кожа и одинаковые черные дорогие сапоги. Девочка – ее звали Мелисса – устала на Анжелу и, встретившись с ней глазами, не отвела взгляд. Каштановое каре, черная джинсовая юбка на грани приличной для похорон длины. Слишком роскошна и насмешлива для шестнадцатилетки. Позже выяснилось, что Мелисса ставит в школе пьесу «Сон в летнюю ночь».

Луиза неуловимо напоминала жену футболиста. Анжела не могла представить ее в театре или за чтением серьезной книги. Интересно, о чем они с Ричардом разговаривают наедине? Впрочем, брат никогда толком не мог правильно оценивать людей. Десять лет он был женат на рыжей ведьме и промахнулся с подарками, которые привез племянникам в прошлый раз. Бенджи достался футбольный ежегодник, а Дейзи – браслет. Может, Ричард вновь совершил ту же ошибку, что и в тот раз, хотя Луиза не похожа на Дженнифер, да и сам Ричард поднялся по социальной лестнице.

– Я иду в туалет. – Бенджи встал. – Мой мочевой пузырь переполнен.

– Не заблудись! – Анжела тронула его за руку.

– Как можно заблудиться в поезде?

– Тебя может задушить какой-нибудь больной извращенец, – сказал Алекс. – И выкинуть твоё тело из окна.

– Я стукну его в промежность!

– В промежность, – поправил Алекс.

– Промезность, промежность, промесность... – напевал Бенджи, идя по проходу.

«Постепенно мы обнаружили, что нам больше не нужна тишина. Не нужно уединение. Не нужны даже слова. Мы могли все делать священнодействуя. Приготовление еды для семьи становилось богослужением. Прогулка в парке становилась богослужением...» – читала Дейзи.

Алекс сфотографировал коровье стадо. Какой эволюционный смысл в том, чтобы иметь черную или белую кожу? Он ненавидел насилие. В ушах до сих пор стоял хруст ноги Каллума, сломанной той ночью в лондонском Крауч-Энд. Он никому не говорил, что его тошнит от видеоматериалов о войнах в Ираке или Афганистане. Правда, в фильме «Буря в пустыне», снятом по книге Энди Макнаба, сцены насилия были смягчены.

Мысли перескочили на Мелиссу. Представилось, как она расстегивает свою черную джинсовую юбку. От слова «расстегивает» у него началась эрекция, и Алекс прикрыл пах книгой. Нормально ли это – влюбиться в приемную дочь дяди? Некоторые женились на кузинах, и это считалось приемлемым. Вот только если у обоих супругов были рецессивные гены какого-нибудь заболевания, дети рождались больными.

До чего же сексуальны девчонки из частных школ! Белые трусики на загорелом теле, источающие запах кондиционе-

ра для белья... Может, она и вовсе не захочет с ним разговаривать, ведь девчонки общаются лишь с патлатыми за-сранцами, которые носят джинсы в облипку. С другой стороны, в отпуске полагается отдыхать; вдруг они окажутся в одной ванной комнате, он откроет дверцу душевой и потискает мыльные грудки Мелиссы так, что она застонет...

* * *

Мужчина заперт в душевой квартире над верфью заботой о жене, которая умрет в этой кровати, глядя телевизор. Сестры-близняшки, разлученные в возрасте семи недель, ничего не знают друг о друге, лишь ощущают пустоту рядом. Девочку насилует друг матери. Ребенок умирает и не умирает. «Семья» – размытое понятие, путеводная звезда для любого дрейфующего корабля, но каждый плывет под своим небом...

* * *

У нее есть еще один ребенок – четвертый, которого никто не видел. Карен, ее любимый тайный призрак, родившийся мертвым несколько лет назад. Голопрозэнцефалия. Гомеозисные гены не смогли разделить мозг на два полушария. Ее маленькое чудовище, черты лица которого сошлись слиш-

ком близко. Анжеле говорили не смотреть, но она посмотрела – и закричала, требуя унести «это».

Позже, в то недолгое время, пока Доминик спал и в палате было тихо, она жаждала вновь ощутить в руках маленькое, изуродованное тельце дочери. Она смогла бы полюбить ее. Смогла бы... но их пути уже разошлись, и Карен ускользнула в параллельный мир, который Анжела порой мельком видела из окон автомобилей и трамваев. Мир с покрытыми паутиной сараями и цыганским табором, с тупиками и автосвалками; мир, который она посещала во сне, где, спотыкаясь, пробиралась между собачьим дерьмом и крапивой, где в душном, вязком воздухе маняще звенел девичий голосок и мелькало летнее платье. В этот четверг Карен исполнилось бы восемнадцать... Беда сельской местности в том, что здесь ничто не отвлекает от тяжелых дум, за это Анжела и ненавидит ее. «Тебе там понравится, – говорил Доминик. – По ночам местные жители наверняка окружают дом с вилами и факелами». Он не понимал, совсем ничего не понимал все эти дни.

Доминик смахнул хлебные крошки с губ и посмотрел на Дейзи. Та улыбнулась и вновь перевела взгляд на книгу. В последние несколько дней она стала спокойней, больше не рыдала внезапно, как в прошлом году. Тогда он чувствовал себя неуклюжим и бесполезным. Разумеется, все эти книжонки об Иисусе полная ерунда, а от некоторых священников мурашки по коже бегут. Эти их дурацкие одежды и фаль-

шивая жизнерадостность... Однако Доминик до странности гордился силой веры Дейзи и тем, как она упорно плыла против течения. Если бы только ее настоящие друзья не отшатнулись от нее!

Он перевел взгляд на старшего сына. Алекс не посмотрит на тебя, сколько на него ни пялься. Если уж он сел за книгу, то будет всецело поглощен чтением. Если уж побежал, то полностью отдается бегу. Доминик ожидал от сына большего. А что получил? С двух до четырех лет – эдипов комплекс: «Не обнимай маму!» С семи до десяти лет – золотое время: они прятали в сейф выпавшие молочные зубы и карточки с покемонами, ходили в поход в Нью-Форест, а однажды пони ухитрился открыть их палатку и съесть печенье. Доминик учил Алекса играть на пианино одним пальцем левой руки музыкальные композиции из фильмов. «Звездные войны», «Индиана Джонс. В поисках утраченного ковчега». Но вскоре Алексу наскучило пианино, он отдал ключ от сейфа Бенджи и увлекся походами. Он с друзьями нередко ходил в Девон или Пик-Дистрикт.

Доминик порой думал, что любит Дейзи не за силу ее веры, а за ее одиночество, за тот бардак, в который она превратила свою жизнь и который перекликался с бардаком в его жизни.

Начало всех начал – дом. Всегда. Дом, по сравнению с которым все остальные дома – больше, прохладней или роскошней. Дом, облицованный в тридцатые годы кирпичом, с разрушенной теплицей, зарослями ревеня и ржавыми канистрами «Кастрола» для газонокосилки. На заднем дворе можно отогнуть уголок мелкоячеистой сетки забора и проскользнуть на вырубку, мимо которой каждые полчаса проходит поезд на Шеффилд. Испачканные дегтем спальные вагоны, запертая распределительная коробка с электропроводкой. Если положить на рельс пенни, поезд раскатает его в длинную бронзовую полосу, стерев лицо королевы.

Вернувшись обратно, можно заглянуть в пруд, проверить, правда ли там водятся головастики, как утверждает брат. Пока ты вглядываешься в суп из ила и водорослей, брат толкает тебя. Ты с визгом падаешь в пруд, затхлая вода попадает в рот, и с тех пор для тебя страх и одиночество всегда будут пахнуть так – илом и водорослями. Промокшая, ты бежишь по заросшему бурьяном саду и зовешь отца. Он стоит у двери в кухню, но при виде тебя исчезает, с жужжанием распавшись на полосы, будто капитан Кирк из «Звездного пути» в телепорте. Дверной проем пуст, кухня пуста, дом пуст, и ты понимаешь, что он никогда не вернется.

– Ты взяла с собой что-нибудь другое почитать? – спросила Анжела.

– Взяла, но сейчас мне хочется читать это, если ты не против, – ответила Дейзи.

– Сарказм тут ни к чему.

– Дамы... – произнес Алекс.

Его вмешательство неминуемо обострило бы ссору, если бы не Бенджи, который несся по проходу, отталкиваясь от спинок кресел. В туалете он вдруг вспомнил оборотня из сериала «Доктор Кто»: глаза как черные бильярдные шары, горячее дыхание... Нырнув под руку отца, Бенджи уткнулся носом в гладкую манжету его особенной рубашки.

– Все хорошо, кэп? – спросил отец.

– Да, – ответил Бенджи, потому что сейчас все стало хорошо.

Он взял записную книжку с надписью «Музей естествознания», восьмицветную ручку и принялся сосредоточенно рисовать зомби. Отвлекся он, лишь когда пришла пора пересесть на другой поезд. Тот отходил через две минуты, так что следовало поспешить. Однако на полпути Бенджи вспомнил, что забыл забрать металлическую штучку.

– Какую еще штучку? – удивилась мама.

– Металлическую штучку, – повторил он, потому что на-

зывал ее именно так.

Это была застежка от портфеля, и позже мама назовет ее мусором, но Бенджи нравилось, как она пахнет и щелкает при нажатии.

– Я принесу, – сказал отец, еще помнящий, как в детстве хранил лошадиный зуб в жестянке из-под табака «Голден Вирджиния».

– Боже мой, зачем? – вздохнула мама.

Но отец все равно сбегал за штучкой и отдал ее Бенджи со словами:

– Храни ее как зеницу ока.

Когда они отъезжали от станции, Бенджи увидел, как двое полицейских в ярко-желтых куртках арестовывали женщину с длинными седыми волосами. У одного из полицейских был пистолет.

Мимо промчался поезд. Он ехал с такой же скоростью, как их поезд, и Бенджи вспомнил историю о мысленном эксперименте Альберта Эйнштейна. В Вене, сидя в трамвае, Эйнштейн представлял, что если бы трамвай ехал со скоростью света, а он держал зажженный факел, то пламя висело бы в воздухе неподвижно, будто сахарная вата.

* * *

Ты ненавидишь Ричарда за то, что он в четырехстах милях отсюда бродит по своему просторному георгианскому особ-

няку на Морэй-плейс, а ты, сидя на поцарапанном зеленом стуле, слушаешь, как мать кричит из клетки своего поврежденного разума: «Медсестры жгут мне руки! Прошлой ночью был воздушный налет!»

Ты ненавидишь Ричарда за то, что он оплачивает и содержание матери, и большой газон у ее номера, и непритязательные пятничные мюзиклы «Волшебные воспоминания. Звезды прошлых лет» для ее развлечения. Ты ненавидишь его за женитьбу на женщине, которая предложила твоим детям ягненка под соусом карри и заставила вас поселиться в гостинице. Ты ненавидишь его за то, что он заменил эту женщину так легко, будто несчастный случай, разрушивший жизни других людей, был не более чем медицинской процедурой: опухоль вырезали, рану зашили и промокнули тампоном. Ты ненавидишь его за то, что он блудный сын.

– Когда Ричард навестит меня? – спрашивает мать. – Ты знаешь Ричарда? Он такой славный мальчик.

Однако в глубине души тебе нравится быть примерной дочерью, заботливой дочерью. В глубине души ты все еще ждешь окончательного приговора, когда тебя наконец оценят выше неприлично преуспевающего брата. Хотя та единственная, кто может вынести этот приговор, то приходит в себя, то вновь теряет сознание. Кислородная маска на ее лице то запотеваает, то проясняется. Тихо шипит баллон под кроватью. А потом все прекращается.

Трасса М6 вела на юг, бирмингемская сутолока наконец осталась позади. Ричард прибавил скорость и пристроил «мерседес» за бельгийской цистерной с химикатами. До СТО в деревушке Фрэнкли – две мили. Ричард вообразил, как заглушит мотор в углу стоянки для автомобилей, чтобы посмотреть на спящую Луизу. Растрепавшиеся белокурые волосы, розовое ушко... извечная загадка, почему мужчина возбуждается при виде одной определенной женщины, а не какой-нибудь другой. Это что-то, сидящее глубоко в мозгу, как тяга к сладкому или боязнь змей. Ричард посмотрел в зеркало заднего вида. Мелисса слушала на смартфоне комедийную передачу. Он сунул в плеер диск с оперой «Дидона и Эней» в исполнении оркестра под руководством Элиота Гардинера и увеличил громкость.

Мелисса смотрела в окно автомобиля и представляла себя в фильме. Вот она идет по мощенной булыжником площади. Голуби, собор. На ней красный кожаный жакет, который отец привез ей из Мадрида. Ей пятнадцать. Она входит в комнату, все взгляды обращаются на нее...

Вдруг до нее дошло – все захотят, чтобы она подружилась с той девчонкой, раз уж они ровесницы. Точно так же мама хотела подружиться с какой-то женщиной на кассе гипер-

маркета «Теско» только потому, что им обоим по сорок четыре года. Та девчонка могла бы выглядеть лучше, но понятия не имеет, как это сделать. Может, она лесбиянка. Семь дней в деревне, с чужими родственниками... «Это важно для Ричарда», – твердит мама. А делать Ричарда счастливым теперь, видимо, главная цель их жизни.

«Прочь гони печаль с чела. Все судьба тебе дала: славу трона, власть короны. Ты для счастья рождена. Прочь гони печаль с чела, небом власть тебе дана»³, – слушал Ричард оперу.

Какой-то придурок на мотоцикле пронесся мимо них со сверхзвуковой скоростью. Ричард мысленно увидел бензиновое пятно, вспыхнувший бензобак, разmozженную голову и родителей парня, соглашающихся на трансплантацию его органов, чтобы хоть что-то хорошее получилось из его короткой жизни, столь никчемно потраченной. Впрочем, скорее всего, по закону подлости парень выживет, и какой-нибудь бедолага будет следующие тридцать лет опорожнять его мочеприемник и стирать с его подбородка размазавшуюся яичницу.

«Дидона и Эней». Гропер Ропер заставлял их слушать эту оперу в школе. «Все равно что метать бисер перед свиньями», – твердил он. Наверное, сейчас он в тюрьме. «Не давайте ему загнать вас к шкафу с инструментами», – шутили они

³ «Дидона и Эней», действие первое. Перевод Юрия Димитрина.

тогда. Говорят, он лапал детей. Хотя скорее это Ропер был похож на жертву: язвительность, грустные глаза – а потом такие люди вешаются где-нибудь в отдаленном лесочке.

Луиза медленно приходила в себя. Классическая музыка, хвойный запах от висящего на зеркале заднего вида ароматизатора... разумеется, она в машине с Ричардом. Слишком часто за последние дни она словно блуждала между мирами, ни один из которых не был полностью реальным. Ее братья Карл и Дуг работали на автомобильном заводе и жили недалеко друг от друга в Блэкторн-Эстейт. На их участках хотя бы не валялись машины без колес или старые холодильники. Когда она в последний раз навестила братьев, они изобразили гордость за то, что ее положение улучшилось, однако на самом деле они ненавидели ее. И хотя Луиза пыталась возродить их прежние отношения, ее тянуло к жизни, в которой не нужно постоянно думать, как тебя оценивают другие. А вот Крейг упивался этим. Он с удовольствием вел двойную жизнь: подкатывал к бистро на «ягуаре» и надевал спецовку для визита к родителям.

Уэльс. О боже, она забыла! Она всего один раз видела семью Ричарда. «Они тебе понравятся, а ты понравишься им», – сказал он. Она им понравилась? А они ей? Она надела слишком много черного, больше, чем они. Как ни странно, Бенджамин, их младший сын, был в футболке с Симпсонами. Помнится, он спросил отца, что станет с телом их ба-

бушки в следующие месяцы. А их дочь пела псалмы. С ней явно что-то не так.

Ричард сидел рядом с Луизой на свадьбе Тони Кэборна. За «столиком для разведенных», как она назвала его, поставленным в углу шатра не иначе как для того, чтобы обезвредить проклятие разведенных. «Кто-то бросил статусную жену», – подумал Ричард и представился ей.

– Не флиртуйте со мной, ладно? – сказала Луиза. – Такое ощущение, будто я сегодня излучаю какие-то флюиды.

Было заметно, что она пьяна. Ричард объяснил, что ничего такого не имел в виду, и она засмеялась. Скорее над ним, чем вместе с ним.

Ричард отвернулся и принялся слушать жалобы дородного семейного врача на героинщиков, однако внимание его то и дело привлекал разговор, который происходил за его спиной.

Обсуждались знаменитости и недостатки бывшего мужа Луизы, богатого строителя. Семейный врач надоел Ричарду до смерти, однако Луиза явно была птицей не его полета. Позже он увидел, как она идет через танцевальную площадку, и не мог отвести глаз от ее широких, крепких бедер. Было в ней что-то скандинавское, и вместе с тем ее тело казалось каким-то... домашним, что напрочь отсутствовало в Дженнифер. Он сказал, что ничего такого не имел в виду? Напыщенный дурак. Когда она вернулась за столик, он извинился за прежнюю грубость, а она попросила его рассказать о себе.

И Ричард вдруг осознал, что уже давно никто не просил его об этом.

Мама улыбнулась Ричарду и кокетливо заправила прядь волос за ухо. Это напомнило Мелиссе, что они с ним занимаются сексом. Отвратительно! Машина застряла в пробке, в ушах у Мелиссы Мика пел «Грейс Келли». Она достала черную шариковую ручку и нарисовала лошадь на форзаце книги Иэна Макьюэна. Забавно, что рука является частью тела, словно механический захват, которым цепляют меховые игрушки в стеклянном контейнере на ярмарке. Нетрудно представить, что у руки есть собственный разум и она может задушить тебя ночью.

«Щедрый бог мне сердце дал скорбеть за всех, кто так страдал. Чужая боль во мне, во мне... печаль и скорбь людей. Но так никто, никто мне сердце не смущал...» – слушал Ричард оперу, думая о девочке, попавшей в аварию на прошлой неделе. Как же ее зовут? Никки Фэллон? Хэллем? Девять лет, изумрудно-зеленые глаза, сальные светлые волосы. Он все понял и без рентгена. Слишком послушная, слишком подавленная, из тех, кому никогда не давали возможности возразить, и они оставили всяческие попытки к сопротивлению. Шесть старых переломов, а больничной карты нет вообще. Ричард вышел к ее отчиму, сказать, что девочке придется побыть в больнице. Отчим, одетый в тренировочные

штаны и грязную черную футболку с надписью «Bench», со скучающим видом развалился на пластиковом стуле. Это он бил ее или позволял бить другим. Он него несло сигаретами и лосьоном после бритья. Ричарду хотелось сшибить его наземь и бить, бить, бить...

– Нам нужно поговорить.

– Да?

Гнев Ричарда внезапно иссяк. Этот парень едва вышел из подросткового возраста, слишком глуп и не понимает, что для него все это кончится тюрьмой, где на кухонном дежурстве ему плеснут в лицо кипяток.

– Идите за мной, пожалуйста...

Мелисса закатала рукава отцовской клетчатой рубашки. Она до сих пор слабо пахла им – штукатуркой и парфюмом «Хуго Босс». Отец был тем еще мудаком, но, боже, когда порой Ричард ехал на велосипеде или разгадывал кроссворд, записывая слова сначала карандашом, Мелисса представляла, как однажды вечером приедет отец, весь в пыли, поту и семенах трав, пинком распахнет дверь и расстреляет эти гребаные книги по искусству.

«Земля надежд и славы, – пел Мика. – Мать халявы. Я уезжаю из Канзаса, детка. Боже, храни королеву».

Херефорд, дом парашютно-десантных войск особого назначения. Ричард тоже мог бы служить там, если бы война велась справедливо. Его привлекала не возможность уби-

вать, не рассуждая, а, скорее, постепенное укрепление порядка, подобно постройке дамбы. Хотя это, наверное, волнующе – убить человека, когда ты заранее оправдан.

Люди думают, что врачи желают помочь, однако большинство его коллег просто любят риск. Как блестели глаза Стивена, когда он стал работать педиатром! «Дети умирают быстрее», – говорил он.

Когда они стояли у могилы, Луиза сжала руку Ричарда. Моросил дождь, над головой пролетел полицейский вертолет. Ничейный пес замер у деревьев, будто неотступно следующий за кем-то призраком. Может, это был призрак его отца. Ричард обвел взглядом собравшихся. Все они – Луиза, Мелисса, Анжела и Доминик, их дети – теперь его семья. Непонятно, почему они с сестрой двадцать лет почти не общались.

Мелисса нажала «паузу» и посмотрела в окно. Светило солнце, однако надвигался дождь – на горизонте небо посерело, точно кто-то стирал его ластиком. Воздух слегка колыбался, словно подводное течение. Разумеется, они будут играть в «Скрэббл», потрепанная коробка наверняка лежит в каком-нибудь ящике стола, рядом с пачкой из пятидесяти одной игровой карты и рекламой фермы по выращиванию коз.

Наконец началась сельская местность с ее колдобистыми

дорогами. Как писал Вордсворт: «Я ощущаю присутствие, палящее восторгом, высоких мыслей благостное чувство чего-то проникающего вглубь». Деревья танцевали на ураганном ветру, осыпая все и вся рыжей листвой, черный пластиковый пакет трепетал, зацепившись за ворота. Дорога – ухабистый серпантин. Ричард ехал слишком быстро. Низкие, перламутровые облака. Тернастон. Аппер-Маес-Коэд. Лланвейноу. С вершины очередного холма внезапно открылся потрясающий пейзаж.

– Вал Оффы, – сказал Ричард.

Темный кряж закрывал собой полнеба. По узкой, теряющейся в траве одноколейке «мерседес» въезжал в долину. Ричард по-прежнему вел машину слишком быстро, мама цеплялась за край сиденья, но молчала. И вдруг...

– Черт! – вскрикнула Луиза.

– Дерьмо! – подхватила Мелисса.

«Мерседес» резко затормозил перед стадом овец, а старик в грязной куртке замахнулся на них палкой.

* * *

Два планера так медленно летели в наползавшем с гор ледяном сером воздухе, что, казалось, можно подставить к фюзеляжу лестницу, вскарабкаться и поговорить с пилотом. Сквозь косой, почти горизонтальный дождь виднелись горы Хэй-Блаф и Лорд-Херефордс-Ноб. Вереск, лиловая росаян-

ка и рябь на грязных лужах. У геодезического пункта красный воздушный змей взмахнул хвостом и скользнул в долину, будто выискивая крыс и кроликов.

Некогда здесь были прибрежные мели, но столкновение литосферных плит смяло и подняло их, обнажив известняк и песчаник. Потом долины проутюжили ледники, принеся с собой валуны. Позже эти места назовут Аппер-Блаен, Ферс-Фарм, Ольхон-Корт. Здешние дороги и тропинки не менялись со Средневековья, и нынешние люди шли по отпечаткам ног тех, кто прошел здесь задолго до них.

Красный дом – усадьба романо-британской постройки – был заброшен, превратился в развалины, которые растаскивали по камешку, потом отстроен заново, сожжен и вновь перестроен. Он многое повидал: фермеров-арендаторов; слуг пограничных лордов Уэльса и Англии; сбежавшую в холмы чью-то беременную дочь; мужчину, сунувшего в рот мушкет и на глазах у жены снесшего себе полголовы; пьяного священника, проигравшего дом на лошадиных бегах... но все это происходило очень и очень давно. Однако под половицами до сих пор лежали две медных ложки, банкнота в двадцать тысяч рейхсмарок и письма от некой Флоренс, из экономии написанные поперек прежнего текста – желтые и хрупкие, нынче они годились лишь на то, чтобы затыкать щели в стене. «Брат, у меня больные легкие», – написано в одном из них. Сыновья того семейства погибли во Франции, в битвах при Флер-Корселет и Морваль. Две пожилые сест-

ры пережили Вторую мировую войну, одна умерла от рака печени, другая окончила свои дни в доме престарелых города Билт-Уэлс.

В Красном доме остались: некрашенная мебель из сосны; противопожарное одеяло в фирменной красной упаковке; запись в книге гостей: «Шентоны, 22 – 29 марта. В саду мы увидели оленя...»; акварельные рисунки в рамках: штокроза, мыльнянка; биоразлагаемая жидкость для мытья посуды; случайная подборка старых книг в твердых переплетах и реклама фермы по выращиванию коз.

* * *

Доминик заказал минивэн, но за ними приехал «опель-инсигния» цвета «зеленый металлик». За рулем сидел этакий викинг с серьгой в ухе и шрамом. Сумки пришлось везти на коленях. Окна изнутри запотели, а снаружи их поливал дождь.

Бенджи втиснулся между матерью и сестрой и блаженствовал в безопасности и тепле. Дома он чувствовал себя одиноким, потому что до крови подрался с Павлом, за что ему целую неделю не разрешали играть с другом. Путешествовать оказалось здорово, и не только потому, что теперь он каждый вечер ел сладкое. Бенджи еще не говорил с дядей Ричардом, но знал, что тот рентгенолог: пихает трубки людям в кишки и толкает их до мозга, убирая засоры – словно

трубочист, который чистит трубы – и это потрясающе. Промчавшийся мимо грузовик окатил машину водой из лужи, и на миг Бенджи ощутил себя на подводной лодке-акуле, совсем как герой мультфильма «Сокровища Красного Рэкхе-ма».

Алекс подсчитывал в уме, во сколько ему обойдется этот отпуск. Два пропущенных рабочих дня в магазине по продаже видео, два пропущенных выгула собак. Минус сто двадцать три евро. Зато он побывает в горах.

Большинство девчонок считают его скучным. Плевать. Ты неудачник, если не зарабатываешь деньги, а он собирается отучиться в колледже без банковских займов. Алекс потер лоб. Напряжение за левым глазом и кислый привкус во рту – минут через пятнадцать появится боль, а на краю зрения замелькают зеленоватые вспышки. Он приоткрыл окно и жадно вдохнул холодный воздух. Ему нужна темнота. И покой.

– Эй, Алекс... – окликнул отец и обернулся. – Остановимся? – предложил он, увидев выражение его лица.

Алекс покачал головой.

– Хотя бы на десять минут?

Они съехали с дороги, и дождь внезапно прекратился. Воздух очистился, мир засиял. Машина перевалила через холм, и вал Оффы снова предстал перед ними. Его верхний край золотился, будто небо вдруг раскрылось, изливая неземной свет.

– Охренеть, – проговорил Бенджи.

И никто его не одернул.

Пахло пчелиным воском и свежим постельным бельем. Луиза стояла посреди спальни, прислушиваясь к доносящемуся откуда-то снизу тихому, на грани слышимости, жужжанию. Повеяло холодом, и волоски на ее шее встали дыбом. В этой комнате кто-то сильно страдал. Луиза умела ощущать подобное с детства. То в каком-нибудь доме, то даже просто в коридоре. А когда Крейг купил усадьбу Дейнс-Барн, она и пяти минут не могла там находиться. Муж твердил, что это глупо. А неделю спустя она узнала – в том доме погиб, закрывшись в холодильнике, маленький мальчик.

Мелисса прошла по холодным плитам в коридоре и вышла в сияющий прямоугольник дверного проема. Стоило лишь вынуть наушники – и сразу навалилась тишина, прерываемая только шелестом травы да отдаленным собачьим тьявканьем. Промокнув воду на скамье кухонным полотенцем, Мелисса села и погрузилась в чтение «Невыносимой любви» Иэна Макьюэна. Смысл слов с непривычки ускользал – ей еще не доводилось жить в сельской местности дольше пяти дней. Как-то в 2011 году она провела какое-то время в Келлморе. Они прыгали с тарзанок и пили «Бакарди бризер». У Кейши тогда случился приступ эпилепсии прямо в душе. А здесь совершенно нечего делать. В сумке лежали две самокрутки с марихуаной, но она выкурила их, еще когда они

остановились у овечьего стада. Ричард тогда напился, и это было ужасно.

– Боже, я не знал, как прекрасен этот моцартовский концерт для фортепьяно, – сказал он. – Печенья больше не осталось, нет?

Если задуматься, там было красиво: зеленая чаша долины, а над ней плывут, меня очертания, облака. И дымом от костра пахло...

Бананово-желтая гусеница свернулась вопросительным знаком на подлокотнике скамьи. Мелисса чуть не смахнула ее в траву, но пожалела, вдруг вспомнив о говорящей гусенице из какой-то детской книжки.

В ворота въехало зеленое такси, и Алекс с младшим братом появились из-за дверцы, будто клоуны из цирковой машины.

«...поразительные пейзажи Ольхон-Вэлли... вторая категория в списке охраняемых объектов... тщательно отреставрирован... добавлена вторая ванная комната... огромный придомовый участок... кустарники и взрослые деревья... риск подтопления... краны-смесители... сушилка... нет телевизионного сигнала... тысяча двести фунтов в неделю... разумные компенсации за поломку... «Американ-экс-пресс»... септик...» – гласил рекламный проспект Красного дома.

Доминик помог водителю выгрузить вещи, а Бенджи достал застёжку от портфеля из засыпанного крошками тайника. Ричард одной рукой обнял Анжелу – в другой он на отлете держал чашку чая. Умытый дождем мир сиял, вдалеке по-прежнему тьявкал пес.

– Рада снова видеть вас, – пожимая дяде руку, поздоровалась Дейзи.

Сказала так, будто они коллеги. Ричард напрягся и повернулся к Бенджи.

– Как поживаете, молодой человек?

Алекс поймал взгляд Мелиссы и разом забыл, что его укачало. Вновь представилось, как она расстегивает молнию на черной юбке. И душевая кабинка...

Алекс ее хочет. Наивный. Грядущая неделя перестала казаться бессмысленной. Мелисса медленно зашагала к двери, спиной ощущая его взгляд.

«Стерва», – подумала Анжела.

У Алекса перед глазами вновь замелькали зеленые мушки, и он пошел в ванную.

«Какая она гламурная и ухоженная», – подумала Дейзи. Представилось, как Мелисса встряхивает волосами, и они разлетаются, словно в замедленной съемке. Наверняка в школе она лидер какой-нибудь группы бездушных стерв. Однако не стоит забывать, что популярность и гламур тщетны и преходящи. Впрочем, такие люди – все равно люди и не менее остальных заслуживают любви.

«Опель» в три приема развернулся и укатил, задевая выхлопной трубой рытвины на дороге. Сад затих, и если бы красный воздушный змей глянул с высоты на усадьбу, то увидел бы огромный зеленый квадрат выкошенной травы на другом конце долины, а в самом его центре – дом, величественный и строгий, ничуть не походящий на ферму. Высокие створчатые окна, стены из узких блоков серого камня – в таком доме Элиот или Остин поселили бы викария и его сестер, ярых трезвенниц. Каменная стена сухой кладки огибала усадьбу по периметру. Двое чугунных, украшенных завитушками ворот – одни для пешеходов, другие для транспорта – давно покрылись толстым слоем ржавчины. Крышу дома венчал флюгер в виде бегущей лисы. Рододендроны окружали мелкий декоративный пруд, полный лягушачьей икры, а в деревянном сарае лежал лошадиный череп.

Промыв рот струей холодной воды, Алекс с закрытыми глазами добрался до спальни. Положил на голову подушку, чтобы приглушить свет и звуки, и свернулся калачиком на кровати.

На кухне Анжела пила красное вино с изысканным привкусом плесени и вымученно общалась с готовящей ужин Луизой.

– Мелисса вегетарианка, – сообщила та. – Я бы тоже не ела мясо, но Ричард в этом отношении подобен пещерному человеку.

Почему ей не нравится эта женщина? Не нравится ее бежевый свитерок с высоким воротником, не нравится, как она смотрит на мерный стаканчик – будто у нее в руке шприц с лекарством, от которого зависит чья-то жизнь. На сковороде шипели овощи, и Анжеле почему-то вспомнился Карл Бутчер, в прошлом семестре убивший кошку. «Они били ее о стену, мисс», – сказал полицейский. Анжела узнала его – он присутствовал на экзамене по специальности. Карл смотрел на них с непроницаемым выражением лица. Эти мальчишки знали, что не нужны миру, и плохое поведение – их единственная возможность оставить по себе память. «Но ведь люди едят коров», – возразил Карл. Самое приличное, что он сказал за год.

– Не представляю, как она будет жить здесь, – вздохнула Луиза. – В сотнях миль от ближайшего магазина «Джек Уиллс».

Дейзи наблюдала, как садящееся за вал Оффы солнце золотило желтый трактор и ветхие сараи с крышами из волнистого железа. Склон горы крутой – будто из окна самолета смотришь. И тихо, лишь ветер свистит. Кажется, можно вытянуть руку и взять трактор большим и указательным пальцами. Суший Эдем. Это не сказка, все происходит здесь и сейчас. Вот оно, место, из которого изгнали род людской. Какая-то хищная птица пронеслась над долиной и растворилась в зеленой дали. Дрожь нетерпения пронзила ступни

Дейзи. Века поглотят нас, как небо поглотило эту птицу. Сегодня она встретилась с Мелиссой на лестнице и поздоровалась. Мелисса в ответ уставилась на нее, и они обошли друг друга, точно в замедленной съемке «спагетти-вестерна».

Красный «вольво» зигзагами поднимался в гору от Лонгтауна, то исчезая, то вновь появляясь из-за поворота. У подножия холма, в обнесенном стеной саду Бенджи играл в ниндзя, с уханьем и аханьем размахивая палкой. Здесь Дейзи никто не видел, никто не осуждал. Глядясь в зеркало, вместо себя она видела животное, в котором заперта. Оно росло, питалось и все время чего-то хотело. Больше всего Дейзи жаждала выглядеть посредственно, чтобы взгляды людей на ней не задерживались. Потому что мама ошибается. Вера или неверие, добро и зло, правота или ошибочность не имеют значения. Важно лишь найти в себе силу, чтобы переносить трудности, которыми сопровождается бытие.

В небе плыли облака. Почему она никак не может выбросить из головы Мелиссу? В ней было что-то притягательное, обещание таящейся внутри мягкости, и хотелось сорвать все слои, чтобы добраться до нее.

Доминик и Ричард с пивом в руках стояли у стены и смотрели на долину, будто двое путешественников на носу корабля – на спокойное зеленое море внизу.

– Анжела сказала, ты нашел работу в книжном магазине. Книги на заказ или розничный сетевой магазин? – спросил

Ричард, вспомнив, что Доминик не мог найти работу девять месяцев.

– Второе. Сеть магазинов «Уотерстоунс». Откровенно говоря, это самая лучшая работа за всю мою жизнь, – ответил Доминик и посмотрел вверх.

Вулканическая пыль скрывала инверсионные следы самолетов. На середине склона поля постепенно превращались в каменистые насыпи, поросшие дроком и папоротником, и восходили к темным вершинам гор. Мордор и Шир в пятидесяти ярдах друг от друга.

– Правда? – спросил Ричард.

Интересно, как можно потерять работу, если ты самозанятый? В этом случае работы может быть либо больше, либо меньше. К тому же Доминик – талантливый музыкант. Ричард навещал его семью несколько лет назад и видел, как он развлекал детей джазовой версией колыбельной «Сияй, сияй, звездочка» и мелодией из детской передачи «Синий Питер», которую исполнил в стиле Бетховена. Однако на жизнь Доминик зарабатывал, сочиняя музыку для рекламы стирального порошка и шоколадных батончиков. Ричард не представлял, как можно работать, не намереваясь сделать карьеру. Это относилось и к Анжеле, хотя она – женщина, которая воспитывает детей, а это все-таки иное. А Доминик ухитрился потерять и свое дело.

– Удивительное место, – произнес Доминик и медленно обвел взглядом долину.

– Добро пожаловать, – отозвался Ричард.

У столика в коридоре Бенджи лениво листает «Гардиан». Ему нравятся газеты. Некоторая информация пугает его, он хотел бы про это не читать – изнасилования, террористы-самоубийцы, – но тяга к секретам взрослых сильнее. Нефтепродукты с «Дипуотер Хорайзон» разлились на четыре тысячи квадратных миль... Тридцать человек погибли в результате взрыва бомбы в Мogaдишо... В желудке кита обнаружено пятьдесят тонн мусора... В последнее время Бенджи много думает о смерти. Отец Кэрли, его школьного друга, умер от инфаркта в сорок четыре года. Недавно хоронили бабушку Бенджи. У женщины из телепередачи обнаружили рак кишечника.

Отложив газету, Бенджи принимается исследовать дом. Заглядывая поочередно в каждую комнату, он мысленно обдумывает, как из нее спастись, и отмечает места, где могут спрятаться враги. В спальню Бенджи не входит – там страдает от мигрени Алекс, и вместо этого спускается в кухню, чтобы взять нож и сделать копьё. Но в кухне тетя Луиза, и Бенджи идет на улицу. В поленнице он находит большую палку и сшибает ею голову зомби. Из шеи зомби брызжет кровь, а его голова лежит на земле и ругается по-немецки, пока конь Бенджи не наступает на нее.

Алекс опустил ноги на пол и медленно сел. Рубашка про-

мокла от пота, голова как свинцом налита, а цвета выглядят необычно, будто он вдруг оказался в фильме шестидесятых годов. Хорошо хоть Мелисса не видела его таким. Когда приступ мигрени настигает Алекса в школе, ему приходится идти в медицинский кабинет и лечь там на кушетку. Он пытался стоически не обращать внимания на болезнь, словно на нападки агрессивного недруга, однако некоторые ученики думают, будто мигрень – что-то уродливое, наподобие приступа эпилепсии или очень толстых линз в очках. Алекс потер лицо. Снизу тянуло запахом жареного лука и доносились возгласы сражающегося Бенджи.

Мелисса открыла коробку с канцелярскими принадлежностями фирмы «Ротринг». Ручки, ластик-клячка, скальпель. Наточила карандаш 3В – стружки сыпались в плетеную мусорную корзину – и прежде чем начать рисовать цветы, сосредоточилась, входя в состояние покоя. В школе рисование не считается важным предметом, потому что оно не поможет поступить на факультеты юриспруденции, банковского дела или медицины. Рисование – нечто незначительное, наподобие второго иностранного языка, всего лишь придаток к дизайну и технологии, и ученики, которые могут хоть что-то нарисовать, всегда получают высший балл. Однако Мелиссе нравится рисовать углем и хорошей гуашью, нравится закатывать черной тушью линолеумный штамп и делать линогравюры.

В гостиной Дейзи обнаружила Алекса. Тот сидел на диване и цедил воду со льдом, уставившись в пустой камин.

– Как ты?

– Лучше не бывает. – Брат поднял стакан, будто для тоста. Кубики льда брякнули о стенки.

Снова они говорят высокопарно, точно незнакомцы на фуршете.

– Я поднималась на холм. Там такие виды, что дух захватывает.

Алекс на миг пришел в замешательство, словно пытаюсь вспомнить, где он.

– Ну еще бы.

Всего лишь два года назад он был подвижным, активным ребенком: не мог высидеть до конца обеда, падал с батута и использовал загипсованную руку в качестве бейсбольной биты. Втроем они играли в догонялки, «Змеи и лестницы» и прятки, смотрели телевизор, лежа друг на друге, как спящие львы. Теперь Алекс стал чужим, жизнь его не радовала, а проблемы отца, казалось, и вовсе не волновали. Дейзи как-то прочла один из исторических докладов брата о сложной экономической ситуации в Германии перед Второй мировой войной, когда евреев сделали козлами отпущения, и с удивлением обнаружила, что автор этого доклада производит впечатление думающего и чувствующего человека.

– Как тебе Мелисса?

– Нормальная девчонка.

Что за чушь он несет? Явно запал на нее, потому что парни ни о чем другом и думать не способны. Дейзи хотелось рассмеяться и дернуть брата за волосы, а потом затеять шутиливую потасовку, как бывало не раз. Однако правила изменились. Она протянула было руку к его шее, но остановилась в сантиметрах от цели.

– Увидимся за ужином.

– Разумеется.

Ричард открыл скрипучую дверцу кухонной плиты. Хлопья пепла взметнулись и осели на брюках. Он взял смятую газету из большого ведра. Под заголовком «Порт-о-Пренс разрушен» виднелась зернистая фотография маленького мальчика, которого вытаскивали из развалин. Всем на все наплевать, пока не начинают страдать хорошенькие дети. На слуху маленькие белокурые девочки с лейкемией, а не чернокожие подростки, которых в Лондоне убивают каждый день.

Ричард подумывал разжечь огонь с помощью таблеток для растопки, но счел это малодушием и выстроил шалашик из щепок вокруг смятой газеты. Вспомнилась девушка по имени Шарн. Она участвовала в гоночной гребле по Темзе. Ох нет, лучше подумать о чем-нибудь другом. Спички «Свон веста» лежали в коробке как стволы деревьев у лесопилки. Ричард чиркнул спичкой, бумага занялась, взметнулось рыжее пламя. Он затворил дверцу, открыл отдушину. Коле-

ни болят, нужно больше упражняться. Скоро он будет заниматься любовью с Луизой. Представилось ее чистое тело, пахнущее тортом после геля для душа с ароматом какао.

– Они прячутся среди деревьев, с луками и стрелами, – сказала Дейзи. – А у нас есть секретные планы.

– Какие секретные планы? – спросил Бенджи.

Дейзи сколупнула мох с края скамьи.

– Планы по созданию ракеты для полета на Луну.

– Это скучно, – заметил Бенджи.

Дейзи подумала о мужчинах с луками и стрелами. Когда-то они и в самом деле были здесь. Как мамонты, дамы в кринолинах, «спитфайры» в небе. Места остаются, а время проносится сквозь них, будто ветер сквозь траву. Одна вещь превращается в другую. Как огонек на головке спички. Дерево превращается в дым. Если бы мы только могли гореть ярче. В сарае ночью кто-то рычит.

Анжела выглянула из окна спальни. У забора болтали Доминик и Ричард. Болтали по-мужски: в одной руке пиво, другая – в кармане брюк. Интересно, о чем они говорят и о чем умалчивают? Ей сорок семь, а она до сих пор помнит, как в пятнадцать лет злилась на младшего брата, который после смерти отца сговорился с матерью и выжил сестру из дома. Анжела достала со дна коробки шоколадку «Дайри милк», разорвала лиловую фольгу, отломил верхний ряд квадратных и положила в рот. Излюбленное утешение детей. Мать и

Ричард навещали отца в больнице за день до его смерти. Анжеле тогда не разрешили пойти, и потом ее несколько месяцев преследовали кошмары, будто они сговорились и убили отца. Внизу кто-то ударил в большую кастрюлю и крикнул «ужин!», словно они гостят в каком-нибудь поместье, где еду подают на серебряных подносах лакеи в ливреях. Придется пойти.

– Дейзи, пожалуйста, не сейчас... – Анжела хотела схватить дочь за рукав, но мешал стоящий рядом Доминик.

– Что ты хотела сказать? – спросил Ричард.

– Благодарность. Я хотела поблагодарить Бога за еду, – ответила Дейзи.

Все внимание тут же сосредоточилось на ней, сидящей рядом с леденцово-зелеными винными бутылками и парусами салфеток. Мелисса комично приоткрыла рот.

– Давай, – кивнул привычный к неловким ситуациям Ричард.

– Господь наш... – Люди живут с закрытыми глазами, нужно пробудить их. – Мы благодарим Тебя за эту еду, мы благодарим Тебя за эту семью и просим Тебя дать пищу тем, у кого ее нет, и присмотреть за теми, у кого нет семьи.

– Аминь и ам-ам, – сказал Бенджи.

– Замечательно. – Ричард потер руки.

– Чертова Нора, – пробормотала под нос Мелисса.

Скрежет стульев по плиткам пола напомнил треск петард.

Луиза подняла красную эмалированную крышку огромной кастрюли, выпустив душистый пар.

Алекс одобрительно посмотрел на Дейзи и показал ей большой палец.

Доминик налил немного вина в бокал Бенджи.

– Разве здесь не чудесно? – спросил Ричард и взмахнул руками, подразумевая дом, долину, всю местность, а может, и жизнь.

Луиза побаивалась разговаривать с Дейзи. Она толком не знала молитв, но Дейзи похвалила ее свитер, и напряжение спало.

Ричард поднял бокал.

– За нас!

Остальные тоже подняли бокалы и повторили его тост. Бенджи одним глотком выпил свое вино.

Мелисса увидела, что мама смеется вместе с Дейзи. Ей захотелось развести их в стороны, однако Дейзи производила впечатление непреклонной. Так легко она не отступится.

Алекс не мог отвести глаз от Мелиссы. Тело сводило от желания. Он представлял ее в душе, всю в мыльной пене.

«Между нами нет ничего общего, совершенно ничего», – думала Анжела, глядя на брата.

– Помнишь ту дохлую белку, которую мы нашли на карусели в парке? Мы подумали, что это чудо, – словно услышав ее, спросил Ричард.

Он откинулся на спинку стула и поболтал вино в бокале,

будто в дурной рекламе.

– Как ты ухитришься помнить подобные мелочи? – удивилась Анжела.

Интересно, почему об этом забыла она.

Ричард закрыл глаза, припоминая.

– Гобеленовые наволочки. Боже всемогущий, там были вышиты кошки, розы и ангелы...

Анжела ощутила себя оскорбленной. Это и ее прошлое, а он будто украл его и присвоил.

– Черт! – Мелисса вскочила из-за стола – ее брюки были испачканы кетчупом. – Ах ты маленький засранец!

– Эй-эй! – Луиза примирительно подняла руки, но Мелисса выбежала из гостиной.

– Простите. Мне очень, очень жаль. – Бенджи заплакал.

– Ну, не плачь, парень. Ты ведь не нарочно. – Доминик обнял его.

Зато Алексу стало легче – сексуальное напряжение наконец-то спало и больше не мешало думать.

– Девочки-подростки, – заметил Ричард ровным тоном, будто предлагая тему для обсуждения.

Наконец-то Анжела вспомнила! Ту мертвую белку. Она была такая хорошенькая, с маленькими идеальными коготочками, и выглядела так, будто просто прилегла и уснула.

– Можно мне еще вина? – спросил Бенджи.

– У него чудесный вкус.

– Надо же, в Росс-он-Уай есть «Моррисонс».

- Строители работали тут девять недель.
- Он уехал в Итон.
- Ай!
- В моей сумочке есть пластырь.
- По меньшей мере двадцать стоунов.
- Кровь попала на твой пармезан.
- У нее был сломан череп.
- Пятьдесят отжиманий.
- Яблочный пирог с крошкой.
- Четверть миллиона людей.
- Бренди? Сигары?
- «Диззи» – с «и» на конце...
- А потом «Хувер» взорвался. В буквальном смысле взорвался.
- Сидите, я сама помою.
- Я объелся.
- Пора спать, молодой человек.
- Там, среди холмов.
- Спокойной ночи, Бенджи.
- Дейзи, считаешь ему?
- Почисти зубы! Помнишь, что сказала та женщина?
- Спокойной ночи, Бенджи.
- Спокойной ночи.

Мелисса села на пол между тумбочкой и стеной. Внизу смеялись. Она уперла острие скальпеля в ладонь, однако

проткнуть кожу не смогла. Струсил. Ничего путного из нее не вырастет. Чертов маленький умник. Можно их проучить – выйти на улицу, замерзнуть и умереть в больнице. О боже, сегодня ведь вечер пятницы! Меган и Кэлли накачаются вином и «Ред буллом», а потом пойдут на каток. Будет покачиваться зал, будут звучать песни Леди Гаги, а Генри с приятелями устроят гонки. Их выгонят, и они пойдут в китайскую закусочную есть жаренные в тесте ананасы... Господи, как же хочется есть...

– Отец Паоло умер, и он вернулся в Италию. – Доминик передал Луизе мокрую тарелку, вылил грязную воду из миски и налил горячей воды. – И выяснилось, что сам я не раскручусь. В колледже я играл в музыкальной группе, мечтал прославиться. Теперь это кажется глупым. Нам нравился «Пинк фloyd», а остальные в то время слушали «Клэш».

– Я слушала Майкла Джексона. – Луиза сложила ладони, шутливо прося прощения.

– Постепенно ты понимаешь, что посредственен.

В дверях появилась Мелисса, и Луиза нажала кнопку «Старт» на микроволновке. Доминик заметил, что внутри уже стояла тарелка с яблочным пирогом. Пока она крутилась, Луиза жестом психотерапевта на несколько секунд положила ладонь дочери на плечо. Затем достала из холодильника йогурт, из ящика – ложку и аккуратно положила их на стол. Мелисса тихо поблагодарила мать, и на миг Доминик увидел в ней маленькую девочку.

– «Лес постепенно редел, Джозеф увидел проблески света между стволами и зашагал быстрее. Вскоре он вышел из-за сосен на простор и замер, не в силах разом охватить его взглядом.

(Дейзи поерзала, устраиваясь удобней.)

– Они смотрели на озеро, по которому бежала рябь. Под хмурым небом вода в нем выглядела серебристой. Они так долго жили под землей, что озеро показалось им океаном. Меллор открыл карту.

– Мы пришли.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джозеф.

(Веки Бенджи отяжелели.)

Меллор показал на озеро.

– Дом за ним.

У Джозефа упало сердце.

– Наверное, карта ошибается.

– Ш-ш-ш... – Меллор прижал палец к губам.

Раздался приглушенный лай собак – это шли Дымные люди.

(Бенджи закрыл глаза и отвернулся к стене.)

Меллор поспешно запихал карту в сумку.

– Быстро! Снимай сапоги...»

Ричард стянул рубашку через голову.

– Она должна быть повежливей.

– Ей шестнадцать.

– Мне все равно, сколько ей.

– Нельзя силой заставлять детей что-либо делать.

– Значит, пусть делают, что хотят?

– Ричард, ты ей не отец. Прости, я не имела в виду...

– Нет, это ты прости. – Он потрянул головой, будто выбравшийся из воды пес. – Это все из-за того случая с Шарн. Он не дает мне покоя.

– Ты все сделал правильно.

– Иногда мало быть невиновным.

– Иди сюда.

– Пойду прогуляюсь, освежусь.

Доминик таращился в черный проем окна. Улететь бы отсюда... Почему он не почувствовал грозящую ему опасность, когда Эми в тот день вошла в магазин? У нее были такие светлые брови, почти как у альбиноса. Лет за шесть до этого они разговорились на детской площадке, Эми была с двумя мальчишками года на два старше Дейзи. А в тот день она задержалась на кассе. Кажется, флиртовала с ним. Впрочем, Доминик давно не флиртовал и не был уверен. Потом Эми назвала свой адрес таким тоном, что он понял – это приглашение, которое вполне можно отклонить. А ночью ему приснилось ее высокое, бледное тело. Таких ярких снов он не видел с двадцати лет. Три недели спустя они переспали прямо среди бела дня, и это само по себе было волнующе – с Ан-

желой он никогда не занимался любовью днем. Эми стонала так громко, что на миг он решил, будто ей больно. Потом они лежали и смотрели на большой японский фонарь из бумаги, который качался рядом с пыльным, занавешенным окном.

– Покорнейше благодарю вас, сэр, – шутливо сказала Эми.

Доминик повернулся на бок, скользнул пальцами по ее бедрам, маленьким грудям и глубокой ямке между ключицами и осознал, что вот он – тайный выход из дома, в котором он так долго заперт.

Анжела была в двухстах милях и тридцати пяти годах отсюда, пытаюсь вспомнить, как выглядел коридор дома, где она выросла. Стойка перил, которую они называли «ананас»; фарфоровый пароходик: его осколки однажды нашли на ковре – будто ночью какой-то призрак пролетел и сшиб его; пластинки трио Оскара Питерсона на граммофоне... Доминик лег в кровать, матрас шевельнулся, и Анжела на миг проснулась. Слушая тишину, она подумала о Бенджи и ощутила прежний страх. Дышит ли сын?

Деревянный потолок в одном месте треснул, и трещину скрепляла ржавая металлическая скоба. Анжела вновь задремала и услышала, как Шербет Дабс и Слейд поют «Давай, послушай эту музыку». Мельком она увидела Карен: та сидела на холме и взирала на спящий дом, будто кролик или сова. А потом Анжела уснула по-настоящему.

Дейзи открыла «Дракулу», положила на одну страницу почтовую открытку с изображением картины Моне и принялась читать:

«Я присел на кровать, и она шевельнулась, словно почувствовав себя неловко. В это время раздался глухой звук, точно кто-то постучал в окно чем-то мягким. Я осторожно подошел и выглянул за отогнутый край шторы. Светила полная луна, и я увидел, что этот шум производила большая летучая мышь, которая кружилась у самого окна – очевидно, притянутая светом, хотя и тусклым, – постоянно ударяясь крыльями об окно».

Луна. Залив Радуги. Море Спокойствия. Ричард никогда по-настоящему не понимал, что такое космос, и порой беспокоился, что его воображение недостаточно развито и не может выйти за пределы земной атмосферы. Говорят, пульс Нила Армстронга при взлете был семьдесят.

– Все храбрые люди слегка глуповаты, – сказал как-то Мохан.

Ричард видел это как наяву. Они сидели друг против друга за столиком у окна, Мохан ел белой пластиковой вилкой салат из супермаркета «Маркс и Спенсер».

– Это мог быть абсцесс.

Ричарду следовало указать это в отчете – именно для этого он и встретился с Моханом. Теперь же Шарн сидела в инвалидном кресле, а Мохан притворялся, что никогда ничего

подобного не говорил. Все знали, что засранец спит с двумя медсестрами, а его бедняжка жена ни о чем не догадывается. Разумеется, для суда это не имело никакого значения, обычные слухи и домыслы. Как смотрел на Мохана адвокат во время той встречи... Ричард почти ожидал, что его веки вдруг схлопнутся вертикально. Черт побери, а здесь холодно.

Тихо застонав, Алекс кончил в кусок туалетной бумаги, которую держал в правой руке. Тяжело дыша, он прислонился к двери. Навалилось безразличие, видения с обнаженной Мелиссой развеялись, будто туман. Алекс ногой стер брызги с деревянного пола и подумал о гребле на каноэ по Лин-Гвинант. Потом ему пришло на ум, что дома тихо и кто-нибудь мог его услышать. Взгляд остановился на кисточке для бритвы, которая лежала на подоконнике. Может, в нее встроена микрокамера, и завтра Ричард за обедом покажет нечеткое видео Анжеле... Алекс бросил туалетную бумагу в унитаз, смыл ее и понюхал руку. Аромат «Морской бриз». Прекрасно.

Пальцы Луизы скользят по неровной стене кремового цвета. Краска, под ней шпатлевка, под ней камень – гладкий, как лошадиный бок. Сегодня днем, в «Кафе Ритацца» в Саутпорте, Ричард заложил руки за голову и потянулся с таким видом, будто владел этим кафе. Он был в рубашке поло и

часах «ТАГ Хойер». Сидящая за соседним столиком молоденькая мамочка поела его глазами, однако Ричарда она интересовала не больше мебели.

Все же Мелиссе следует быть вежливей, ты, наверное, с ней недостаточно строга. Помнишь себя в четырнадцать лет? Квартира Хэнвеллов. Воскресный вечер. Ты и Пенни стоите за балконными перилами на седьмом этаже, прислонившись к хлипкому карнизу. Биение сердца отдается в ушах, колени противно дрожат. В парке бегают собаки, по кольцевой дороге едут машины – микромодель мира. Ты громко кричишь, и звук отражается от противоположного дома. Внизу собирается толпа. «Прыгай!» – кричит кто-то. Ты оглядываешься и понимаешь, что все происходит не на самом деле, это всего лишь воспоминание, которое можно отпустить и зашвырнуть в великое ветреное ничто. Но миг спустя ты пугаешься – ты не помнишь, где настоящее и как туда попасть.

* * *

Пощелкивает остывающий «мерседес». На верхушке телеграфного столба сидит сова с огромными глазами. Небо над садом рассекают летучие мыши. Известняк под луной выглядит невероятно белым. У старой ванны лежит овца, она все еще остерегается волков, которые не охотятся здесь вот уже двести лет. Высоко над людским гамом царит глубокая тишина. Волопас, Геркулес, Дракон. Вокруг Земли ле-

тает восемь тысяч сделанных людьми вещей. Вышедшие из строя спутники и космический мусор. Пояс астероидов. Пак, Миранда, Оберон. Каждой луне по сказке. Марсоход опустился у холма Хазбенда. Зонд «Гюйгенс» берет пробы у метанового озера на Титане. Пояс Койпера. Кометы и кентавры. Рассеянный диск. Облако Оорта. Местный пузырь. Звезда Барнарда. Космический холод, согреваемый лишь светом звезд...

* * *

Ричард в темноте спускался по лестнице. Он не мог воспользоваться ванной на своем этаже из-за переплетения труб под раковиной. Трубы, канализация, кабели... Фобия – это еще мягкое определение. «Период сильного страха или дискомфорта, во время которого резко возникают по меньшей мере четыре из следующих тринадцати симптомов...» Четыре симптома Ричарда: ком в горле, ощущение нереальности происходящего, тянущая боль в животе и страх сойти с ума. Он не мог парковаться в зоне для сотрудников – тогда пришлось бы идти на работу мимо труб позади котельной. В прошлом году он стоял на платформе станции Эджвер-роад кольцевой линии метро, чтобы уехать на конференцию в Ридинг. На противоположной стороне, за рельсами, мотки закопченных кабелей так густо покрывали стену, что не видно было кирпичной кладки... Когда Ричард пришел в себя, на

голове был сильный порез, а вокруг толпились глазающие на него люди.

Ричард расстегнул ширинку и направил струю в сторону от воды, чтобы сильно не шуметь. Нужно проверить простату. Плитки пола охладили ноги, от стен веяло сыростью, но раковина в этой ванной была заключена в деревянный шкафчик, а белая гофрированная труба всего одна и потому не опасна для душевного здоровья. Ричард нажал на смыв, сполоснул руки. А теперь спать.

Суббота

Дейзи добавила в чай сахар и, накинув пальто и шарф, вышла полюбоваться восходящим солнцем. Рассветное зарево уткнулось в Черную гору, осветило ее с одного края и заструилось по валу Оффы, расцветивая все на своем пути.

Красота вновь ускользала от Дейзи. Мир был так далек, а разум твердил «я, я, я...». Мелкие неприятности накапливаются и терзают, Бенджи отстраняется, мама все время злится на нее, а в раздевалке на стенах кошмарные граффити. Но эта долина... разве она не чудо? «Смотри», – нужно сказать себе. Смотри...

Вчера Дейзи так и не смогла заснуть. Пробовала читать «Дракулу», однако то, что выглядело нелепым при свете дня, ночью казалось почти документальным. Она в растерянности. Все говорят, что в шестнадцать лет ты меняешься, но это изменение дается с трудом. И вдруг приходит твердое осознание ненормальности – ты выглядишь как человек и действуешь как человек, но внутри у тебя лишь слизь и совокупность нейронных связей.

Полтора года назад Дейзи внезапно для себя разговори-лась с Венди Роган, ассистенткой кафедры естественных наук. Их свел Божий промысел, не иначе. После уроков Венди предложила выпить кофе. Ни друзья, ни мама, ни отец не слушали Дейзи так, как Венди. В следующие выходные

они обедали у нее дома, а потом Венди предложила посмотреть видео. Несколько тягостных мгновений Дейзи боялась, что речь идет о порнографии, но это оказался рекламный ролик «Программы практического знакомства с христианством»: футболист забивает гол, модель дефилирует по подиуму, альпинист карабкается на скалу – и каждый из них оборачивается на камеру и говорит: «Есть ли в жизни что-нибудь лучше этого?» А потом камера сверкает и покачивается.

Дейзи ощутила себя загнанной в угол и грязной.

Через неделю она вспомнила, почему альпинист показался ей знакомым. Это был Беар Гриллс, любимчик Алекса. Он покориł Эверест, а еще ел червей и пил собственную мочу в прямом эфире. Со смесью любопытства и гадливости Дейзи принялась искать в Интернете информацию о Гриллсе и наткнулась на видео в Ютубе, где он был на тропическом острове.

«Если у вас есть возможность спастись, воспользуйтесь ей!» – заявил альпинист.

Он повисел на лианах, потом переплыл залив, развел костер на пляже и подал сигнал вертолету при помощи серебряного креста на Библии. Это было смешно, однако Дейзи заплакала.

В долине светлело, роса высыхала, все и вся ликовало в отсутствие людей. Наверное, Мелисса ее ненавидит. Как ни странно, эта мысль утешила Дейзи. И терять нечего, и радо-

ваться не придется.

«Подожди, просветление снизойдет», – говорил Дэвид. В помещении церкви чувствовалось тепло, которое Дейзи не ощущала больше нигде, его создавали взмывающие ввысь голоса. Однако просветление не наступало, лишь ехидный голосок внутри язвительно твердил: «Я умнее остальных». Чего и следовало ожидать, ведь бьют всегда в уязвимое место. Вера – это убежденность в том, что невозможное возможно. Конечно, со стороны такое кажется смешным. «Иисус любит тебя, сучка» – нацарапал кто-то на металлической дверце ее школьного шкафчика...

Вдруг появилась лиса. По-настоящему рыжая, а не грязно-бурая, как в городе. Она вошла в ворота с видом собственницы, будто призрак предыдущего владельца усадьбы. Две эпохи пересеклись. Лиса остановилась. Заметила Дейзи? Почуяла ее? Дейзи затаила дыхание. Разрыв между нею и миром затянулся. Она стала травой, стала солнечным светом, стала лисой. Уж не знамение ли это?.. Однако ощущение тут же пропало, и лиса потрусилась прочь, за дом, а Дейзи затряслась от холода.

Доминик с закрытыми глазами стоял под душем, вода лилась ему на макушку. Горячая вода. Как хорошо жить сейчас! Было время, когда углекопы мылись в оловянных чанах, чайники грели на углях, а королева Елизавета I принимала ванну всего три раза в год. Только почему-то душ по выход-

ным не так горяч, а напор воды слаб.

Дурацкий пластмассовый ящик! В спальне Бенджи открыл мини-набор капитана Брикберда второго уровня и нашел там волшебника.

Мелисса плыла по турбулентной зоне полусна. Ей пригрезились начальная школа и тигр, крадущийся между столами.

Скрипели деревянные полы, гудели трубы, что-то застучало на крыше, а вдали лаяла все та же собака. Шумно помогался Алекс. Загудела электрическая зубная щетка. Закричал петух. Дейзи насыпала в тарелку «Восхитительно-ореховые хлопья» из «Маркс и Спенсер».

Алекс присел на корточки у двери, зашнуровал кроссовки и принялся растягивать мышцы ног, поставив пятку на увитый плющом подоконник. Влажный воздух слабо пах навозом. Алекс засекал время и побежал по дорожке, хрустя галькой. Ему нравилась дикая природа. Ни дома, ни в школе он не чувствовал себя так легко, как у озера или гор.

Раз в две недели, по выходным, он и Джейми садились в микроавтобус Джоша, брата Джейми. Велосипеды укладывали сзади, каноэ сверху, и Джош вез их в Саут-Даунс, Пембрукшир или Сноудонию. В темноте ставили палатку и просыпались с первыми лучами солнца.

Алекс перешел по ступенькам через забор и побежал к Ред-Даррену. Путь предстоял неблизкий, разум туманился от усилий и высоты, и это было замечательно. Тревоги и заботы отступали после четырех, пяти, шести миль, недоволь-

ство собой почти исчезало, лишь тело работало, точно механизм.

Доминик и Дейзи порой спрашивали об этом и принимали неспособность Алекса объяснить за его неспособность чувствовать. Однако у озера Лин-Гвинант и на горе Найн-Бэрроу-Даун он ощущал упоение, которого они жаждали, но так и не достигали. И то, что Алекс не мог им этого объяснить, нехватка слов, были частью его тайны.

– Потому что обожжешься. – Анжела дала Бенджи два яйца. – Разбей их в миску.

– Что бы произошло, если б ты и папа умерли в одно и то же время?

– А чего бы тебе тогда хотелось? – Она высыпала грибы на сковороду.

– Я бы ушел жить к Павлу.

– Надо будет обсудить это с мамой Павла.

– А как же мои игрушки?

Анжела вспомнила, что дом у Павла маленький.

– Ты бы взял их с собой. – Анжела протянула Бенджи вилку. – А теперь добавь в яйца немного молока и взбей.

– А телевизор?

– А у Павла до сих пор нет телевизора?

– Я хочу наш. – Мальчик чуть не плакал.

– Можешь взять его.

– Я передумал. Я хочу жить с Дейзи. – В Бенджи словно

что-то надломилось, он едва сдерживал рыдания.

Анжела выключила газ и обняла сына.

Бенджамин плакал. Ричард не стал мешать, налил себе кофе из френч-пресса и вышел из дома. На лужайке отжимался Алекс. Отжимался правильно: колени и спина прямые, локти неподвижны, кончик носа касается травы. «Дельтовидная, большая круглая и вращательно-плечевые мышцы», – мысленно перечислил Ричард, глядя на его вспотевшую спину. Он до сих пор считал себя спортсменом: когда-то в школе бегал кросс, а в колледже – четырехсотметровку. Но в последний год только играл в сквош с Герхардом, да в течение двух недель ездил на работу на велосипеде, когда машину украли.

– Может, тоже потренироваться? – задумчиво произнес Ричард.

– Гора очень большая. – Алекс поднялся, поставил ногу на скамью и принялся развязывать кроссовки.

Дейзи едва не сделала это со своим другом Джеком. Она не думала о том, встречаются они или нет. У Джека были три серьги в ухе, змея в качестве домашнего питомца и некий невидимый барьер, за который допускалась только Дейзи.

Они выпили два больших стакана какого-то отвратительного зеленого ликера, который привез из Италии его отец. Джек коснулся края ее трусиков, и Дейзи вдруг увидела, ка-

кой он нескладный: мосластый и угловатый. Она собиралась переспать с ним, потому что больше не с кем, и вообще, все так делают. И при этой мысли запаниковала. Дейзи не желала проходить через это, не хотела быть как все. Тяжело дыша, она оттолкнула Джека, и он не без облегчения подчинился. То, что чуть не случилось, напугало обоих, и они допили весь ликер. Утреннее похмелье было столь мощным, что затмило вчерашнее смущение, а рассказ о нем стал коронным номером. Они еще шесть месяцев дружили, а потом Дейзи присоединилась к церкви, Джек обозвал ее «гребаной предательницей» и исчез из ее жизни.

Алекс не хотел уязвить Ричарда, просто замечание дяди застало его врасплох. Он всегда восхищался им, полагая жалобы матери несправедливыми. Пожалуй, восхищение – не совсем верное слово, его ощущения имели отношение скорее к кровным узам. Алекс ничего не находил в себе от матери и отца. Мать часто расстраивалась и не умела о себе позаботиться, отец жалел себя, убирался в доме, ходил за покупками и собирал Бенджи в школу, будто так и надо. Когда друзья навещали Алекса, он приходил в замешательство от пораженческого настроения, витавшего вокруг отца, и очарование гор и озер отгораживало его от обоих родителей. А вот то, как держит себя Ричард, его работоспособность и самообладание...

– Зачем ты вчера вечером это сделала? – спросила Анжела.

– Что сделала?

– Ты знаешь, о чем я говорю. Прочла благодарственную молитву. Из-за этого всем стало неловко.

– Я полагаю, мы все должны испытывать больше благодарности за то, что имеем.

– А я полагаю, что мы должны считаться с чувствами других людей.

– Так же, как ты считаешься с моими?

– Прекрати отвечать вопросом на вопрос.

– То есть я должна молчать и делать то, что ты скажешь?

– Ты пускала пыль в глаза и относилась к другим свысока.

Мне все равно, во что ты веришь в глубине души...

– Чушь. Тебе не нравится то, во что я верю.

– Мне все равно, во что ты веришь в глубине души, но не нужно принуждать к этому остальных.

– Тебе просто завидно, что я счастлива.

– Я не завидую, Дейзи. И ты не счастлива.

– Вряд ли ты знаешь, что на самом деле я чувствую.

– Мы купим несколько букинистических книг, – сказал Ричард. – Потом пообедаем, а на обратном пути сделаем остановку и прогуляемся.

– Потрясающее развлечение, – заметила Мелисса.

– Значит, тебе повезло, – с непроницаемым лицом отве-

тил Ричард. – В машине есть место только для семерых.

– Отлично.

– Тебе не будет скучно одной? – поинтересовалась Луиза.

Мелисса склонила голову набок и закатила глаза.

– Мы поднимемся на Лорд-Херфорд-Ноб? – уточнил Бенджи.

– Ничего, постепенно это название перестанет казаться ему забавным.

– Я бы тоже остался, если никто не против, – подал голос Доминик.

Анжела мельком подумала, будто он сговорился с Мелиссой, и чуть было не произнесла это вслух, однако вовремя сообразила, насколько бестактно и странно это прозвучало бы.

Мелисса поднималась по лестнице, когда из ванной появился Алекс с голубым полотенцем вокруг талии. Расслабленный после тренировки, своей плавной, крадущейся походкой он напомнил ей тигра. Светлая полоска волос на пояснице привлекла ее взгляд, и Мелиссе вдруг захотелось коснуться Алекса. Это желание испугало ее своей внезапностью и силой. Ей нравился флирт и витающее в воздухе напряжение, но сам акт она находила едва ли не отталкивающим. Андре так закатывал глаза, будто у него судороги, а валяющийся потом на ковре грязный презерватив напоминал кусок кишки.

Алекс обернулся и посмотрел на нее.

– Привет, морячок⁴, – усмехнулась Мелисса.

И отвернулась.

Доминик сел на скамью рядом с Анжелой. На лужайке кто-то рассыпал хлебные крошки, пара скворцов и еще какая-то птица клевали их.

– Думаю, это пойдет нам на пользу. Пребывание здесь, я хочу сказать.

– Здесь мило.

– Я не это имел в виду.

– Я знаю.

Вспомнилось время, когда они общались по-настоящему, сидя у реки или лежа в крохотной спальне с выцветшими обоями и постером Билли Холидей, обнаженные после занятий любовью. Тогда они жаждали узнать как можно больше друг о друге, о жизни, частью которой становились. А что теперь? Их и друзьями-то не назовешь – так, два человека, которые воспитывают общих детей.

Доминику хотелось рассказать Анжеле об Эми, облегчить душу, потому что он боялся. Он стал замечать ветхие шторы, запах сигарет в доме Эми, требовательность в ее голосе. Поначалу он решил, что их отношения – всего лишь отдушина для них обоих, однако для Эми эта зашторенная днем комната была жизнью. Тайная дверь оказалась на самом де-

⁴ Шутливое приветствие геям – считается, что моряки, много времени проводя без женщин, занимаются сексом друг с другом.

ле входом в еще более темный и грязный мир, из которого он сможет уйти, лишь дорого заплатив. Разве так уж плохо – искать увлечение на стороне? Они с Анжелой оба неверны, каждый по-своему. Любить и заботиться в печали и в радости... Когда в последний раз они заботились друг о друге? Ничего он ей не скажет. Подождет, пока неловкость уляжется, а ложь станет привычной.

– Бедный Бенджи. – Анжела опустила взгляд на чашку. – Он говорил о нашей смерти. Ну, о том, кто получит потом все вещи.

– Ему здесь вроде бы нравится. – Ведут себя, как настоящая семья. Возможно, большинство людей тоже так делают. – Насколько сильно вы с братом привязаны друг к другу?

– Он помнит все. – Анжела выплеснула остатки кофе в траву, спугнув птиц. – Это пугает. Мне начинает казаться, что я схожу с ума, как мама.

– Как зовут премьер-министра?

– Я серьезно. Может, Ричард все выдумал.

– Разве мы не придумываем свои детские воспоминания?

Мать Доминика имела любовника – невысокого, подтянутого дантиста, у которого был небольшой автомобиль с мягким откидным верхом. Или это всего лишь сплетня?

Некоторое время они молча сидели, любуясь пейзажем. Что ж, они хотя бы могут молча сидеть рядом.

– С трудом верится, что мы с Ричардом родственники.

Птицы вернулись к крошкам.

– Может, ты приемная дочь. Это решило бы пару-тройку проблем.

Очередная его несмешная шутка.

– Вагон подан! – крикнул Ричард.

* * *

Сельскую местность любят использовать в рекламе антиперспирантов либо масла – да всего подряд. Сельский пейзаж умиротворяет, там все делается медленней и качественней, там коровы, стога сена и честный труд.

Там, где-то рядом с буковой рощей, открывается потрясающий вид на долину, на дом, где будет написана книга, укрепится брак, дети будут строить шалаши, а дождь только порадует. Какое странное желание – очутиться где-нибудь в другом месте и ничего не делать. Некогда оно было доступно лишь королям, но с тех пор его сладкий яд распространялся все шире и шире. Отдых в пустынном оленьем заповеднике, резвящиеся в декоративном пруду чудовища, тяжкий груз времени, настойка опия и вышивание крестиком. То, что знает любой ребенок и забывает любой взрослый – когда наблюдаешь за часами, их стрелки будто замедляются: предпрошедшее время становится косинусом, а тот превращается в кормление пяти тысяч человек. Школьные каникулы, о которых в памяти остается только починка велосипеда и Гэри Холлер, убивающий лягушку... однообразные часы

перед тем, как навсегда исчезнуть.

И вот надо наслаждаться недельным ничегонеделанием. В дни отдыха мы давно уже не отдыхаем, в праздники не празднуем, странствие превратилось в обычную поездку, место назначения подается на тарелочке с голубой каемочкой – праздность империи в ее последние дни жизни.

* * *

Мелисса читала за столом в гостиной. Доминик прошел через комнату со словами, что направляется на прогулку. Хлопнула дверь, и в доме вновь стало тихо. Мелисса включила на телефоне альбом «Манки бизнес» группы «Блэк-Айд-Пис», но тут же вынула наушники, ощутив себя уязвимой – она не услышит, если кто-нибудь подойдет со спины. Мелисса вышла в сад, искала взглядом Доминика, но тот уже скрылся с глаз, в долине никого не было. Тогда она вернулась в гостиную и принялась перебирать дивиди: «Корпорация монстров», «Ледниковый период 2», «Гарри Поттер и узник Азкабана»... Открыла контейнер с «Симпсонами», но в нем лежал диск для приставки с игрой «Звездные войны. Фронт битвы».

За спиной что-то зажужжало и брякнуло. Мелисса резко обернулась. Старинные напольные часы вновь отбили время. Черт. Сейчас поговорить бы с нормальными людьми. С Меган, Кэлли или Генри. Взяв телефон, она направилась в горы.

Он две недели ждал этого. Хэй-он-Уай, «книжный город». Вся информация собрана в одном месте – увидел, выбрал, пролистал. И вот он в недрах «Синема букшоп». О, этот запах... Клей? Бумага? Споры какого-нибудь лишайника наподобие *bibliophile lichen*? Катакомбы желтеющей бумаги. Книга стала не нужна, ее продали за пенни или взяли из дома умершего владельца. Приют для брошенных книг. Их авторы не получают комиссии от продаж. Говорят, у писателей зарплата меньше, чем у мусорщиков. Ни коллег, ни рабочего графика, ни страховок, лишь постоянный соблазн отвлечься на просмотр телевизора. Работа в халате. От подобной неопределенности Ричард слегка замутило. Слишком много риска – и слишком мало событий.

Он положил ладонь на неровную стену потертых корешков и хрупких суперобложек. Мать всегда расставляла книги по росту, словно подсобную мебель. Бульварные романы и биографии голливудских звезд. Жаль, что Ричард не умеет пускать все на самотек и не способен раскрепоститься. Однако путешествие всегда идет по кругу. Думаешь, ты на другом конце света, но за углом тебя ждет та же кухня с зелеными меламиновыми мисками и календарем с клоуном. Чистоплотность, любовь к порядку и потребность быть постоянно занятым – что, как Ричард полагал, разделяет их с матерью, на самом деле оказалось в них общим.

* * *

«Золотой океан», «Англосаксонские отношения», «Дом шестидесяти отцов», «Меня называют плотником», «Том Свифт и его электровоз», «Плюшевый кролик», «Марсианские шахматы», «Орел Девятого легиона», «Тарзан и запретный город», «Человек без страха», «Пишущая машинка в небе», «Самая непослушная девочка в школе», «Черный охотничий хлыст», «Тайна деревянной леди», «Великолепная пятерка. Тайна цыганского табора», «Омут», «Храбрая Сара Ноубл», «Моя жизнь в лесу духов», «Здравствуй, грусть», «Рухнувшие небеса», «Шум прибоя».

* * *

Ничего себе! Связанная обнаженная женщина! И еще одна связанная обнаженная женщина. И связанная обнаженная женщина, свисающая с потолка. А еще обнаженная татуированная женщина с задраным кверху задом и фаллоимитатором, сидящая на граммофоне. Обнаженная женщина с прической а-ля египтянка, привязанная к старинной больничной кровати резиновым шлангом, конец которого уходит в ее вагину. И все это – современное искусство! Искусство ли? Алекс посмотрел на обложку. Нобуеси Араки. Издательство

«Фейдон». Стоимость – восемьдесят пять фунтов. Все-таки искусство. Очуметь! Этот альбом можно даже положить на журнальный столик. Алекс представил себя на месте фотографа в той комнате. В альбоме был снимок крупным планом: большой, с выступающими венами пенис. На черно-белой фотографии он выглядел отталкивающе. Еще две обнаженные женщины на кровати...

– Прошу прощения.

В магазине, помимо Алекса, были и другие люди – какой-то мужчина скользнул мимо и скрылся в отделе книг об архитектуре. Алекс уставился на фотографию двух женщин. Он хотел купить этот альбом. Он хотел украсть этот альбом. Он хотел остаться здесь навсегда. Он должен положить альбом. Он не может его положить.

Доминик собирался включить вторую часть «Двухголосной инвенции», этот маленький канон. Когда работа останавливалась, он не мог слушать музыку. Хуже всего были сентиментальные песни наподобие «Сила любви» или «Прекрасный вечер». Иногда во время их звучания он даже выходил из магазина. «Удивительно, насколько сильно воздействует на человека низкопробная музыка», – говорил Ковард. Через два-три месяца Доминик начал слушать Стивена Райха и внезапно понял смысл этих исполняемых в классических ритмах, меняющихся мелодий. «Музыка для восемнадцати музыкантов», «Фаза электрогитары»... Осторожное продвижение к Баху. Еще один тип крутости. Он мысленно

проверил аппликатуру «Двухголосной инвенции». Как звали того парня на шоу по классической музыке, которое он видел в детстве? Он еще играл на макете синтезатора, а участнику нужно было угадать отрывок по его постукиваниям. Джозеф Купер, точно. Передача «Музыка по полной программе».

Он посмотрел на долину и услышал в голове мотив «Взлетающего жаворонка». Пронзительная скрипка, четыре шестнадцатых ноты, потом все выше и выше, пентатоника, основной тон умолкает, даже такта нет...

Мелисса. О боже, это ведь Мелисса? Доминик рванул через заросли папоротника. Что она здесь делает? Ее тошнит? Он споткнулся, упал, поднялся и побежал дальше. Мелисса стояла на коленях, упираясь руками в землю. Тяжело дыша, Доминик остановился.

– Мелисса? – Он коснулся ее плеча.

Она подскочила и с визгом замахала руками, совсем как испуганная женщина в немом кино.

– Прости, я не хотел...

– Это... это... – Мелисса пошевелила рукой в воздухе.

Муж Анжелы. Она забыла, где находится, и теперь ощущала себя так, будто оказалась без одежды. Он что, напасть на нее решил?

– Что с тобой?

Лишь бы не заплакать... Мелисса протянула мобильник. Однако мужчина, похоже, ничего не понял.

– Сигнал не ловится.

– Ты не ушиблась?

– Нет, черт возьми, я не ушиблась. – Мелисса глубоко вздохнула.

– Ты пыталась кому-то позвонить.

– Ну да. – Она повернулась и пошла прочь, но колени у нее подогнулись, и Мелисса притворилась, что села специально.

Доминик подошел и сел рядом. Они молчали, поначалу это было неловко, потом уютно, и снова неловко.

– Вижу, тебе здесь не нравится.

Мелисса заплакала.

– Черт. – Она вытерла глаза.

– Давай обсудим это, если хочешь.

– Как ни странно, не хочу.

Доминик сорвал две маргаритки и принялся плести венки.

– У меня был отчим. Точнее, он до сих пор у меня есть. Он хороший человек, и разумеется, за это я в детстве ненавидел его еще сильнее.

– Спасибо за совет. – Мелисса достала из кармана сигареты.

– Угостишь?

Она хотела послать его, однако сегодня все было как-то неправильно. Его сложенная чашечкой ладонь задела ее руку. Щелчок зажигалки, огненная вспышка. Он собирается лапать ее? Представилась крупная сумма денег, которые она могла бы стясти с него за это и потом потратить на что ду-

ша пожелает.

– О-о-о... – Доминик выдохнул колечко дыма. – Давненько не курил.

Мимо с бляньем прошла овца.

– Вообще-то Ричард неплохой. Мама с ним вроде как счастлива, и это здорово.

Мелисса лгала. Она ненавидела Ричарда по той же самой причине, по которой Доминик ненавидел своего отчима.

Они докурили сигареты, и Доминик посмотрел на нее. Положит он ей руку на грудь или нет?

– Будь добрей к Дейзи, ладно?

Его слова застали Мелиссу врасплох.

– Однажды, оглянувшись назад, ты поймешь, что вы не такие уж и разные.

– Мы *слишком* разные. – Мелисса засмеялась.

Доминик не отводил глаз и не смеялся. Она растерялась. Снова накатил страх. Мелисса встала, бросила окурочек в траву.

– Мне нужно позвонить.

– Не ходи над обрывом.

Это он, типа, метафорически выразился, или здесь и в самом деле есть обрыв?

Доминик смотрел, как Мелисса, спотыкаясь, поднимается на холм. В ее туфельках только по асфальту ходить. Интересно, сколько очков бы ему присудили за их разговор? Шесть из десяти? Он явно взял верх над ней. Семь очков? Снова

заблелла овца. Доминик ощутил легкую тошноту. Наверное, из-за сигарет.

В магазине Бенджи будто гимнаст изогнулся на кожаном кресле.

– Посмотри, какая энциклопедия. – Дейзи поставила брата на ноги и усадила в кресло. – Ее выпустили в 1938 году.

Бенджи во все глаза тарачился на игровую приставку «Нинтендо».

– Еще до компьютеров, когда все думали, что на Марсе живут люди.

– Я хочу энциклопедию по пыткам Барби, – заявил Бенджи.

Дейзи перевернула страницу.

– А что это у нас здесь? Дикари получали его посредством трения одной палки о другую, а современным людям достаточно лишь чиркнуть спичкой? – спросила Дейзи и подумала, что у брата плохо пахнет изо рта. Неужели ему никто не сказал сегодня почистить зубы?

Появилась Луиза. Она оставила Ричарда в поисках солнечного местечка, где нет книг, но сидящие в кресле дети выглядели так уютно.

– Бенджи, Дейзи. Что тут у вас?

– Иллюстрированная энциклопедия, пятый том. – Дейзи отдала ей книгу.

Кирпично-красная тканевая обложка, тисненое название,

а под ним лампада, испускающая лучи мудрости. Луиза посмотрела содержание. «Как пар и нефть служат людям», «Руководство по этике для детей», «Оригами»... Вспомнилось детство: сетка на окошке в кладовой, шоколадные конфеты с грецким орехом, бутерброд с маслом и рыба с жареным картофелем, ходули, которые дедушка сделал из старой дверной рамы...

Дейзи шевельнулась, устраиваясь удобней. Луиза села на подлокотник кресла, и Дейзи оказалась зажата между ней и Бенджи. Ноги Луизы, туго обтянутые красными вельветовыми брюками, были совсем близко. От нее пахло какао.

Луиза перевернула страницу. Арочный, висячий, консольный, балочный мосты. Странно, что она встретила упоминания об этом именно здесь. Дома у них книг не было – из опасения, что кто-нибудь станет слишком умным. Луиза закрыла энциклопедию и ласково погладила корешок. Вот так думаешь, что все осталось в прошлом, дом разрушен, мебель распродана, фотографии уничтожила плесень... и вдруг открываешь жестянку сардин металлическим ключиком.

Ричард сидел на ступенях у часовой башни, сумка из книжного магазина Ричарда Бута угловато топорщилась рядом с его лодыжкой. В ней лежали: «Сталинград» Энтона Бивера, «Одиссея» в переводе Джона Ханны и «В отличной форме. Полное руководство по фитнес-тренировке». Неподалеку стоял автоприцеп с двумя овцами, и курили у

мотороллера трое местных подростков. Снова вспомнилась Шарн. Вдох – раз, два, три... Выдох – раз, два, три... Взревел мотороллер, и сосредоточение нарушилось. До чего же разум беспокоен. Нужно бегать, как Алекс, и прочищать мозги активной физической деятельностью, а не силой воли. Вдох... Мимо прошла привлекательная женщина, и в голове раздался предупреждающий звоночек. А, это Луиза. Как странно смотреть на нее со стороны, словно глазами незнакомого мужчины. Вспомнилось, как он впервые встретился с ее бывшим мужем Крейгом – тот приехал заменить насос в бойлере. Он оказался невероятно волосат – будто надел под футболку черную мохеровую манишку.

– Луиза сказала, ты врач. – Крепкое рукопожатие продлилось чуть дольше необходимого.

– Консультант по нейрорентгенологии.

Постепенно Ричард начал понимать, что все эти дипломы, книги, музыка – нечто наподобие криптонита, хотя он помнил, как Луиза тряхнула головой, засмеялась и сказала «он всегда этого хотел». Ричард так и не смог забыть эту картинку.

Здесь не было обрыва, лишь высоченная круча, с которой, наверное, даже Россию увидеть можно. Мимо Мелиссы прошла пожилая пара, одетая как бойскауты. Телефон наконец-то поймал сеть, на экране появились сообщения. Одно из Франции, от отца, за ним целая вереница: «позвони мне», «есть разговор», «срочно нужно поговорить» – как

будто война началась.

Мелисса набрала Кэлли.

– Мишель пыталась убить себя! – не поздоровавшись, выпалила та.

– Как?

– Снотворное. Сказала матери, что мы ее травили.

– Гребаная корова.

– А ее мать пошла к Эвисон, так что дело получило огласку.

– Это не я разослала всем ее фото.

– Вот только не вменяй меня в это, ладно? – огрызнулась Кэлли. – Фотографию сделала ты.

– А ты не обвиняй меня, ладно? Нужно как-то разрулить это.

О боже. Две недели ночевать вместе с отцом на ремонтируемой французской ферме в спальном мешке уже не казалось такой плохой идеей. Надо все хорошенько обдумать. Мишель снова повела себя как сука. Опять корчит из себя жертву. Нужно было предвидеть.

– Кому еще ты отправляла фото? – уточнила Мелисса.

– Нескольким людям.

– Просто скажи кому, ладно?

– Джейку, Донни, КГ...

– Офигеть.

Разумеется, фотку они сохранят, а потом будут подкалывать ее из дурацкой мести. Если б она только могла вырвать

телефоны из их рук...

– Не думала, что ее смерть меня так расстроит. – Анжела положила в рот последнюю порцию жаркого по-тибетски.

Бенджи сидел рядом и читал потрепанную энциклопедию. Анжела стряхнула крошки с его головы.

– Так умирать – ужасно, – сказал Ричард, положив свои столовые приборы крест-накрест. – Разум угасает, а за телом ухаживают другие люди.

Другие люди? Это он ее имеет в виду.

– Не дай бог у меня тоже будет обширный инсульт. – Ричард перелил остатки чая через металлическое ситечко в чашку.

За его спиной у прилавка столпились коричневые от загара велосипедисты, шаркая по каменному полу черными туфлями.

– Погоди-ка. Вообще-то я навещала ее каждую неделю в течение пяти лет, – заявила Анжела, сама не зная, зачем возражает брату.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать. – Он услышал обиду в ее голосе и неподдельно растерялся.

Разумеется, подарок в виде отпуска смягчил ее остаточные негативные переживания.

– Я знаю, что ты платил за ее пребывание в Экорн-Хаус, – ответила Анжела. – Возможно, это было важнее, чем все остальное. Я благодарна тебе за это, правда, но... Каждую неделю. Пять лет. – И что хорошего это принесло мате-

ри? Под конец она уже не узнавала собственную дочь.

– Я знаю, – бесстрастно проговорил Ричард.

– А ей нужен был только ты.

Лицо брата выражало недоверие. Видимо, ему казалось, что возобновить семейные отношения теперь, когда проблемный родитель исчез, будет просто. Анжела ощутила детское желание усложнить этот процесс.

– Сколько раз ты навещал ее? Пять раз? Шесть? – Она знала точное число, однако не собиралась признаваться, что вела счет.

Ричард водил указательным пальцем по скатерти, будто писал ответ на воображаемой бумаге.

– Она мертва, Анжела. Мы не можем ничего изменить. Лучше оставить это в прошлом.

Бенджи перевернул страницу, не обращая внимания на их разговор. Анжела мельком глянула в энциклопедию. Глава «Романтика железной дороги» и рисунок поезда-экспресса «Летучий шотландец».

– Я лишь хотела услышать от тебя «спасибо». – Наконец-то она призналась!

Брат засмеялся – иронично и тихо, но засмеялся!

– Ричард? – Ей казалось, что она говорит с ребенком, который совершил ужасный проступок.

– Мне было тринадцать, когда она начала пить, – напомнил Ричард.

– А мне четырнадцать.

– Но ты ушла.

– Что? – Анжела не понимала, о чем он говорит.

– Ты поселилась у Джульетты.

Это бредовое заявление навело ее на мысль, что у брата могла быть гораздо менее благопристойная причина пригласить их сюда.

– Я не уходила. И никогда не жила у Джульетты.

– Ладно, может, и не жила. – Ричард не хотел углубляться в тему – это словно зараженная земля: пока не копаешь, беды не будет. – Но ты часто ночевала там. Много ночей у нее провела в течение лет эдак двух, если я правильно помню. – Он хотел не счеты свести, а просто расставить все по своим местам и забыть.

– Это не так.

Сидящая за соседним столом пара стала прислушиваться к их разговору.

– Если б я умел заводить друзей, то, быть может, сделал то же самое. – Брат опять засмеялся, на сей раз добродушной.

– Дело не в этом. – Лучше прекратить разговор, иначе он бог весть куда пойдет. Анжела выпрямилась и с глубоким вздохом сказала: – Давай объявим перемирие.

– Перемирие? – переспросил Ричард. – Мы что, воевали?

– Наверное, лучше нам поесть пирожных.

– Да, – не отрываясь от книги, встрял Бенджи. – Пожалуй-ста, купите мне вот это, шоколадное, с белой глазурью.

«Грузовые автомобили перевозят тяжелые грузы на дальние расстояния. Автофургоны доставляют нам посылки. Автобусы дальнего следования везут десятки тысяч любителей развлечений из одного места к другому. Междугородние автобусы делают ежедневные рейсы между городами, разделенными сотнями миль. Мы больше не видим на улицах запряженные лошадьми пожарные машины, изрыгающие из выхлопной трубы дым», – читал Бенджи.

«Ариэль-Гель-Нимбус 11». До чего смешно называют обувь. Однако Ричарду нравился запах чистоты и пластика. Он завязал шнурок на левой кроссовке и потянулся за правой, лежащей в коробке. Разговор с Анжелой задел его. Только не по причине ее признания в своих чувствах, а потому, что он о них ничего не знал. Ему и в голову не приходило, что все это сестру так огорчало. Мать ненавидела его за то, что он присматривал за ней, а потом – за его уход. Пять лет он прожил с пьющей матерью, и никто его за это не поблагодарил. Если есть такая штука, как высокие моральные устои, то он точно достиг самых высот.

Краем глаза Ричард заметил переплетение водосточных труб на соседнем доме и слегка развернулся, чтобы не видеть их.

– Сколько?

– Семьдесят девять фунтов и девяносто девять пенсов.

– Совершенство бесценно, – пошутил он, вспомнив сло-

ган пива.

Продавец явно не заметил его иронии. Ричард решил – надо иметь самое лучшее. Сэкономить двадцать фунтов сейчас – и позже пожалеешь об этом. Он встал и посмотрелся в зеркало.

– Как ощущения? – Парень, жизнерадостный и пухлый, носил модную асимметричную челку, из-за которой ему приходилось наклонять голову набок, чтобы видеть лучше.

– Отлично. Просто замечательно.

Ричард присел и снова поднялся. В памяти всплыл день, когда он уехал в Бристоль. Ричард шел по улице с рюкзаком за спиной, а мать кричала на него из окна. Колыхались шторы, и вся эта сцена отдавала дешевой мелодрамой.

Хорошо бы выйти и сделать пробный забег, однако Ричард не был уверен, что так можно. Он несколько секунд побегал на одном месте и сказал:

– Беру.

Анжела осталась в машине. Ей хотелось побыть одной, без Ричарда, да и вряд ли пейзаж изменится к лучшему, если пройти еще двести футов. Молодая индианка сражалась с молнией на оранжевой куртке. Чуть в стороне мужчина и двое подростков возились с самодельной ракетой трех-четырёх футов высотой, с красным носом и хвостом. Мужчина быстро присел рядом с ракетой, потом отошел, и... Боже мой! Затрещав, как застежка-липучка, ракета рванула ввысь.

Мальчишки восторженно орали и ждали, когда она упадет. Не дождались. Они вертели головами, осматривая окрестности, но пропажи нигде не было. Скорее всего, ракету снесло ветром, однако это все равно отдавало магией. Такую историю не стыдно рассказать друзьям. Анжела посмотрела на холм. Ее семья удалилась настолько, что все казались точками.

Может, Ричард лгал насчет Джульетты? Или создал ложное воспоминание, чтобы приглушить чувство вины? Если бы она только могла предоставить факты – бац, бац, бац! – да только она никогда по-настоящему не обдумывала прошлое, никогда не думала, что подробности нужно запоминать.

О боже, как хочется есть. Ирисок, конфет, печенья... Анжела открыла бардачок, и оттуда вывалилось несколько фотографий. Она собрала их и принялась разглядывать. Мелисса с томным взглядом. Мелисса посылает воздушный поцелуй. Мелисса встряхивает волосами. Она выглядела на удивление мило. У Карен тоже могли быть фотографии. Вот Карен два года, она играет с деревянными кубиками на ковре из овечьей шкуры. Вот Карен девять лет, она стоит перед ветровкой с рисунком радуги. Вот Карен четырнадцать, она в зеленом полупальто на выставке паровозов, над ее головой на зеленом водяном котле старинными буквами написано слово «Огденс»... На несколько головокружительных мгновений эти фотографии стали настоящими. Они лежали в кожаном альбоме на полке над телевизором. Но ветер кач-

нул машину, и Анжела вернулась в реальный мир.

Алекс оглянулся и увидел, как Дейзи и Бенджи швыряют друг в дружку овечьим навозом.

– Только сухим кидай! – кричала Дейзи.

В школе ему доставалось из-за нее: Эдди Чен сорок тысяч раз спел песню «Как девственница». После ее антинаркотического митинга стало еще хуже – Дейзи будто хотела, чтобы ее ненавидели. Алекс умел от многого отгородиться, но только не от этого. Ненормальная ли Дейзи или просто самодовольная тупица? Должен ли он защищать ее, или пусть сестра получает, что заслужила? Задолбался он искать ответы на эти вопросы.

– Эта фигня попала мне в волосы, ты, мелкий... – возмутилась Дейзи.

Станет ли она такой, как прежде? Не то чтобы они дружили раньше, но все же...

Луиза отошла в сторону. Девочка-подросток играет в мальчишескую игру. Кто бы мог подумать. Может, ее жизнь сложилась бы иначе, будь у нее сыновья или даже целый выводок детей, как она однажды мечтала... Порой, когда Мелисса сильно уставала, а Ричард отсутствовал, дочь сворачивалась клубком на кровати, клала голову ей на колени и задумчиво посасывала большой палец. В конечном счете не таких ли отношений ей хочется?

– Попал! – Бенджи натянул рубашку на голову и принялся бегать по кругу.

Дейзи стряхнула мокрый навоз с джинсов.

– Убью.

У Ричарда екнуло сердце. Он никогда так не играл. И никогда уже не поиграет.

Дейзи повалила Бенджи на траву.

– Так нечестно! – завизжал он, но не всерьез – такая игра ему нравилась.

Никто больше не катал его на спине, не подкидывал на руках. Можно, конечно, попросить, чтобы тебя обняли, когда грустно или ушибся, только вот от неожиданных объятий становится так хорошо на душе.

– Что с Анжелой? – Луиза смотрела вниз, где у подножия холма как попало стояли машины.

Ричарду нравилось, когда она заботилась о других.

– Похороны повлияли на нее сильнее, чем я думал.

– Ты купил кроссовки.

– Я видел, как Алекс сегодня бегал.

– Не сломай ногу.

– Не бойся, я ведь врач.

Луиза засмеялась, и Ричард вспомнил – она так же смеялась, когда он сказал ей эти слова в первый раз. Внезапно захотелось быть с ней наедине, заниматься любовью днем и видеть ее тело, озаренное разреженным шторами светом.

А Дейзи и Бенджи лежали на спине и глядели вверх.

– Смотри, небо движется!

– Идемте! – крикнул поднявшийся выше Алекс.

Двое воронов взлетели с какой-то падали, когда они проехали мимо них. Ящик на стене. Ферма «Руинсфорд». Ферма «Фри-Оакс». Ферма «Аппер-Хаус». Какой-то чокнутый пес три мили бежал за ними.

Алекса раздражала необходимость ехать на заднем сиденье и то, что за рулем кто-то другой. В следующем году он сам устроит себе отпуск. Например, в Доломитовых Альпах. В следующем году он сможет делать все, что захочет. Изучать экономику, историю или бизнес. Поехать в Брайтон, Лидс или Глазго. Путешествовать несколько лет. Начать собственное дело. Это не амбиции, а констатация факта. Если знаешь, куда хочешь поехать, то разрабатываешь маршрут и едешь. И почему большинство людей так долго с этим возятся?

Они въехали в ворота, и Алекс увидел Мелиссу. Она читала, сидя на низкой стене, и он ощутил легкое волнение, как перед началом забега или когда хочешь сделать «свечку» на велосипеде, а поворачивать уже поздно.

Он вышел из машины и направился к ней. На Мелиссе были джинсы в обтяжку, ботинки, маленький черный жакет и кружевная туника в викторианском стиле. Волосы она, как и Луиза, заправила за уши.

Мелисса делала вид, что не замечает Алекса, пока он не подошел вплотную. «Началось», – подумала она, подняв к нему непроницаемое лицо.

Ей нравилось это напряжение, повисшее в воздухе, предвкушение игры.

– Что читаешь?

Мелисса молча показала обложку.

– Хорошая книга? – Алекс сел рядом и принялся болтать ногами как маленький.

– Угу. – Нужно говорить как можно меньше, пусть сам заполняет паузы в разговоре.

– Понятно. – Алекс посмотрел на свои ноги. Достаточно ли обыденно и расслабленно он выглядит? Трудно оценивать себя, не видя со стороны. – Как тебе здесь?

– Один балл из десяти.

– За что именно?

Ему хотелось услышать, что за него.

– За тишину и покой, за время подумать. – Мелисса подняла тихо шипящий бокал с джином и тоником. – Лимона нет. Но это лучше, чем ничего, верно?

– Сомневаюсь, что ты любишь тишину и покой.

«А он не безнадежен», – подумала Мелисса.

– А мне здесь нравится, – признался Алекс. – Простор, и вообще, сверху открывается прекрасный вид.

– Снизу тоже. – Мелисса шевельнула бровью.

Они немного помолчали. «Ну же, давай», – подумала она.

Алекс положил руку на ее бедро и ощутил тепло даже сквозь джинсы. Оба посмотрели на его руку, будто на птицу, которую не хотели спугнуть. Повернувшись, Алекс поце-

ловал Мелиссу. Как хорошо... Она уперлась руками ему в грудь, но он не выпустил ее – иногда девушки лишь притворяются недотрогами, к тому же ему очень не хотелось отпустить. Его рука нашарила ее грудь...

От Алекса слабо пахло потом, он пытался просунуть язык ей в рот, и Мелисса удивилась его силе. Она схватила один из его пальцев и отогнула в сторону.

– Хватит, чтоб тебя!

Он отпустил ее.

– Прости.

– Черт.

– Я увлекся.

– Я заметила.

Они замолчали. Над Черной горой с мушиным жужжанием пролетел вертолет. Алекс ощущал на губах вкус Мелиссы.

Она поднялась.

– Пока. У меня дела, и родителей повидать хочу. – Взяв книгу, девушка направилась к двери, оставив Алекса в абсолютной прострации.

В доме имелось несколько гравюр Викторианской эпохи, купленных оптом по дешевке у старьевщика в Глостере. Северный фронтон аббатства Уитби; нападающий на медведя пес; портрет Уолтера Деверо, графа Эссекса; охота в Брэмптоне; какой-то храм в стиле барокко; гора Сербаль в долине Вади-Фейран...

Луиза уложила айфон на подставку и коснулась кнопки

«Играть». Стиснула ручки консервного ножа, и острое колесико начало взрезать жестяную крышку банки. Зазвучала песня «Там, где у улиц нет имен» группы «Ю-ту». Луиза высыпала фасоль в дуршлаг и смыла лиловую вязкую жидкость. Кухонного комбайна здесь не было, и она воспользовалась давилкой для картофеля, стуча ею о края миски, когда дырки забивались. Вспомнилась хлопочущая на кухне мать, истекающее жиром мясо на сковороде и ручной миксер.

– Что ты делаешь? – спросила Луиза у Бенджи.

– Выбираю, что поесть, – ответил тот.

Ему нравилось стоять в пятне желтого света и облаке прохлады, исходящем от холодильника, где хранились груды съедобных сокровищ.

– Будь так добр, выбирай быстрее.

Бенджи что-то взял. Хлопнуло, звякнуло – и он ушел. Мельничка с перцем опустела, и Луиза достала с полки пластиковый контейнер. Сняла крышку с белой и ребристой, как бок монеты, каймой и принюхалась к содержимому. Пахло пылью, а не перцем.

Бенджи вошел в гостиную, сорвал пластиковую крышечку с йогурта и слизнул попавшее на штаны пятнышко. Он поставил баночку с йогуртом на стол, потом сложил альбомный лист восемь раз, получив в итоге подобие маленькой книги. Достал ручку со стержнями восьми цветов. Книга будет называться «Сто ужасных способов умереть», и в ней будут описаны пытки и убийства, но только не рак.

– Кто разрешил тебе взять этот йогурт, молодой человек? – спросила подошедшая мама.

– Тетя Луиза.

– И сколько в этом правды?

– Почти все.

«Дождаясь вечера, поклонники развлекались танцами и веселыми песнями...» – гласил текст на открытой странице.

Однако Ричард уже спал.

– Честно говоря, это не только из-за Ричарда, – призналась Анжела.

– Так-так-так.

– Просто в среду день рождения Карен. – Анжела расколотла скорлупу фисташки.

– Разве он не в феврале?

– Нет, не день, когда она умерла. Это день, когда она должна была родиться.

– Что значит «должна была родиться»?

– Пятое мая. Дата моих предполагаемых родов.

– Ты никогда об этом не говорила.

Анжела сломала ноготь о скорлупу.

– Наверное, я понемногу схожу с ума.

Саид идет в джунгли, пытаясь узнать, куда ведет крученный металлический кабель. Звуки маримбы и арфы, небо сквозь

ветви похоже на разбросанный синий пазл. У лодыжки блестит паутина. Сев на корточки, Саид видит натянутую проволоку. Тревожный хор скрипок. Саид осторожно перешагивает через проволоку. Его ноги туго захлестывает веревка. Вскрикнув от острой боли, Саид взмывает в небо и оказывается подвешен вниз головой, будто свинья на бойне.

Алекс проматывает фрагмент с пляжем, потому что ему нужен напряженный эпизод, чтобы не думать о Мелиссе. За прошедший год он стал настоящим киноманом. На работе за каждую смену он просматривал в программе «Кинематография» два-три полнометражных художественных фильма, особенно его привлекали напряженные моменты. Сериалы Алексу нравились больше всего. «Остаться в живых», «Двадцать четыре часа», «Звездный крейсер “Галактика”». В основном, из-за последовательности. Понравилась третья серия? Скорее всего, понравится и четвертая. Меньше мороки с выбором.

Ночь. Саид лежит на земле. В полузабытьи он видит – к нему подходит некто в военном камуфляже. Зазубренный нож блеснул в лунном свете. Крупным планом глаз Саида. Он дрожит и закрывается.

«Я налила еще бокал «Монбазьяк». Не успела поднести его к губам, как в темном коридоре что-то шевельнулось. Тот студент? Сердце забилося, сигнал скользнул по сенсорной коре и через гипоталамус проник в стволочную часть моз-

га, затопив мое тело адреналином. Я вышла в коридор. Оказалось, упало с вешалки мое пальто. Я глубоко вдохнула, стараясь замедлить бешено бьющийся пульс – этого верного сторожевого пса, что миллионы лет предупреждает нас о малейших признаках опасности. Но как можно сражаться с воображаемой угрозой? Как убежать от мелькающих в голове картинок? Хект писал в своей статье для журнала «Природа»: “Мы приручили мир, но не наши орудия, которыми мы с ним взаимодействуем...”»

Мелисса отложила повлажневшую книгу на край ванны, по мягкой обложке начало расплываться мокрое пятно. Эвисон спросит Мишель, как ее травил. Что та ответит? Фотографию она им показать не сможет. Но раз уж этим занялась полиция, то полицейские начнут копать. Черт. Мелисса всегда умела удержаться на грани. Можно курить, пока ставишь «Сон в летнюю ночь». Можно прогулять дурацкий урок, если хорошо учишься. Но если ее исключат из школы, отец взбесится. Для начала – прощайте, карманные деньги. И даже думать не хочется, в какую дерьмовую школу ее тогда засунут.

Над унитазом висела картинка с малиновкой, сбоку от бачка в уродливом розовом держателе торчал освежитель воздуха. Алекс лапал ее. Боже, она ненавидит это место...

Бенджи в виде исключения разрешили поиграть на «Нинтендо», потому что он устал от взрослых разговоров. Дейзи

пыталась развлечь брата расспросами о школе, однако он хотел говорить лишь о занимавшей его ум вымышленной учительнице миссис Уоллис, которая убивала и ела детей из своего класса. Сочтя это скучным и тошнотворным, Дейзи признала свое поражение. Она пробовала пообщаться с Алексом, но тот ловил взгляды Мелиссы, которая упорно не обращала на него внимания. Дейзи почему-то захотелось извиниться за поведение брата, хотя она была уверена, что Алекс начал первым. Затем она посмотрела на фарфоровую тарелку с синим узором в китайском стиле. Она видела такие картинки тысячу раз, но подробно не разглядывала. Корабль, домик с загнутой вверх крышей, сад и какой-то человек на мосту. Что там у них происходит?

Мать и отец сидели на противоположных концах стола. Почему они не любят друг друга? Здесь, с Луизой, Ричардом и Мелиссой было гораздо проще, их присутствие не позволяло родителям относиться друг к другу с той прохладцей, которая всегда царила в их отношениях дома. Однажды одиннадцатилетняя Дейзи гостила у Беллы, и отец Беллы обнял ее мать и поцеловал долгим поцелуем. Дейзи сначала ужаснулась, потом все поняла и загрустила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.